

★ ПОТОМКИ ★ СЫЩИК ПЕТРУСЕНКО ★ ПОТОМКИ ★ СЫЩИК

Ирина Глебова

КАЧЕЛИ СУДЬБЫ

стиж роман ★ инвестиж роман ★ инвестиж роман

Сыщик Петрусенко: потомки

Ирина Глебова

Качели судьбы

«Автор»

2010

Глебова И. Н.

Качели судьбы / И. Н. Глебова — «Автор», 2010 — (Сыщик Петрусенко: потомки)

Романы серии «Сыщик Петрусенко: потомки» представляют собой соединение высокохудожественной прозы и детективных, напряжённых сюжетов. Являются современной линией известных ретро-детективов «Сыщик Петрусенко». Главный герой ретро-серии (Викентий Петрусенко) и главный герой современной серии (Викентий Кандауров) – предок и потомок, оба криминальные следователи. Происходит своеобразная стыковка во времени через поколения. Появляется возможность интересного сюжетного хода: в современной серии даётся ретроспектива судеб героев ретро-серии. Расследование убийства молодой женщины приводит к неожиданным результатам: тайны прошлой жизни трагическим образом переплетаются с сегодняшним временем. Убитая – писательница Лариса Климова, с юных лет была среди богемной молодёжи, в том числе – диссидентствующей в 70-е годы. Она и ещё один герой романа, прошли через сети КГБ, желающей держать под контролем умонастроения творческой молодёжи. Героиня ускользнула из этих сетей, а другой, по собственному желанию, остался в них. Через годы, уже в сегодняшнее время, судьба столкнула этих двоих людей... Расследование убийства в романе ведёт майор Викентий Кандауров. В книге – много страниц о любви.

© Глебова И. Н., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ирина Глебова

Качели судьбы

Эта книга – художественное произведение. Имена, характеры и события вымышлены автором. Любое сходство с действительными событиями, местами или людьми – полностью случайно.

Глава 1

По этой длинной узкой улице гулял лишь один ветер. Он дул порывами, подхватывая сухие листья, пыль, обрывки бумаг, закручивал их в маленькие смерчи, отпускал внезапно, вновь сгребал, гоня по тротуару. Пусто было здесь в этот поздний час, в тусклом свете редких фонарей. Тянулась с одной стороны высокая и массивная госпитальная ограда, с другой – дома старинного центра города. Нынче такие дома не строят: многоэтажные особняки с высокими окнами, лепными барельефами, коваными решётками балконов. Правда, если пройти через внушительную арку во двор, там обнаружатся множество прилепленных к стенам квартирок-сарайчиков, мусорные баки, унылая детская площадка с перекошенной каруселью... Впрочем, идя по улице, об этом можно и не догадываться.

Тревожно щемящее время года на стыке лета и осени, пустая улица, ветер. Тягуче проскрипела дверь одного из подъездов, мелькнул в глубине огонёк... или показалось? Одинокая фигура возникла, словно из слабо освещённых сумерек. Стройная женщина в куртке-ветровке, брюках, с сумочкой через плечо. Походка усталая, но уверенная, шаги мягкие, почти не слышные. И так же, словно ни из чего, появился в конце улицы автомобиль. Медленно он настиг женщину, поравнялся, чуть обогнал, остановился. Приоткрылась дверца, и путницу окликнули. Она глянула, подавшись вперёд, улыбнулась, узнавая. И, после короткого разговора, села на переднее сидение. Машина медленно тронулась, но почти сразу быстро и бесшумно набрала скорость, скрылась. Ветер рванулся за ней, потащил бумажки, но тут же ослаб, сдался. А через минуту, красивыми мягкими прыжками промчался вдоль улицы, пересекая её, крупный породистый пёс – рыжий, с висячими ушами. Он вбежал в подъезд старинного дома, и уже вслед за ним вновь тягуче проскрипела дверь...

Мёртвую женщину нашли за городом, во рву под железнодорожными путями. Дачники, опаздывая на электричку, бежали не по обычной тропе, а напрямую, через кустарник рва, и увидели тело – проломленный затылок, залитая кровью ветровка... Оперативная машина, приехавшая из города, стояла на пригорке чуть боком, сотрудники осматривали местность, а старший группы, майор Кандауров, сидел на траве рядом с погибшей и из открытой сумочки доставал вещи, раскладывая их перед собой. Ключи, платочек, расчёска, пудреница... Книга в мягкой обложке – «Зарубежная фантастика», и, самое существенное – общая тетрадь, на первой странице которой написано: «Литературная студия машиностроительного завода. Руководитель Л.А.Климова». И дальше, видимо, список литстудийцев: 27 фамилий с адресами и телефонами. Тетрадь была исписана почти вся, начата ещё в позапрошлом году. Судя по числам, студия собиралась раз в неделю, тогда же делалась и очередная запись. Летние месяцы пропускались – занятия летом, видимо, не велись.

Кандауров, на миг задумавшись, быстро пролистал тетрадь до конца, посмотрел последнюю запись. Да, так и есть: начало сентября, первое занятие после перерыва. Он невольно прочитал то, что было написано: «Первое занятие нового учебного года. Пришло несколько новичков – молодые ребята. Это отлично. И один сразу же дебютировал: Виктор Марков,

парень с завода, работает в инструментальном цехе. Он читал подборку своих коротких рассказов – в полстранички, страничку. Хороший, образный язык, ирония. Однако есть и лобовая категоричность в осуждении тех негативных качеств, о которых он пишет: алкоголизм, рвачество, бездарность, увлечение американскими боевиками... Обсуждали все очень активно. Интересно, что на середине чтения в библиотеке и во всем здании погас свет. Однако все были настроены продолжать занятие. У библиотекарей оказались припасены свечи, зажгли их и занимались при этом свете. На следующее занятие сделал заявку Олег Белов: он будет читать свою повесть. Я очень довольна. Олег талантливый человек, ожидаю от него многого. Спросила его, как поживает Дима Жилин. Мне искренне жаль этого парня: его активное неприятие других позиций и мнений может испортить ему жизнь. Олег дружит с ним, и сказал, что у Димы как будто всё хорошо, появился даже спонсор, готовый издать его книгу стихов. Дай Бог, парень он способный...»

Майор качнул головой, глянув на погибшую с грустной болью... Да, но число над этой заметкой недельной давности. Значит, последнее занятие состоялось – или нет? – вчера. И запись сделать ещё не успели. Кандауров быстро сложил все вещи в сумочку, встал, отряхнул брюки. Судя по всему, погибшая и есть Л.А.Климова. Успела ли она провести вчера занятие своей литстудии? В котором часу оно проходит?

– Вик! – закричал его помощник Миша Лоскутов. – Иди сюда!

Он стоял на коленях у зарослей кустарника и махал рукой, подзывая. Но тут же от машины тоже окликнули: «Викентий Владимирович, подойдите». Врач, судмедэксперт Григорий Борисович, уже предварительно осмотрел погибшую. Кандауров направился к нему. Закрыв блокнот и бросив взгляд в сторону уже накрытого брезентом тела, врач сказал удручённо:

– Молодая, по виду – немного за тридцать. Интересная женщина была... Смерть наступила от сильного удара по затылку и пролома черепа, вчера вечером. Время позже уточню.

– Она могла, упав с электрички, удариться о камень?

Григорий Борисович с сомнением покачал головой:

– Не могу сказать «нет»: всё случается. Но больше похоже на расчётливо нанесённый удар. Впрочем, если на большой скорости, да под необычным углом... Кто знает...

Но тут уже Кандауров щёлкнул пальцами:

– Отнюдь! Большой скорости, как раз, и быть не могло. Смотрите, вон уже видна платформа. Электрички здесь тормозят перед остановкой.

– А быстрые поезда? Они ведь проносятся мимо на всех, так сказать, парах.

– Нет, Григорий Борисович, – теперь уже не согласился Кандауров. – Я подозреваю, что эта женщина была нашей землячкой и вчера находилась ещё в городе.

Лоскутов продолжал призывно размахивать руками, и майор заторопился к нему.

– Смотри, – Михаил, не поднимаясь с колен, указал на небольшой, но чёткий отпечаток автомобильной шины. – Машина ехала здесь, по траве, и если бы чуток не вильнула в сторону, мы бы и не догадались о ней.

В самом деле, широкой полосой вдоль зарослей терновника росла высокая жёсткая трава. Она была слегка примята, как теперь можно догадаться, колёсами машины. Но это не привлекало внимания. Только узкий след протектора, неосторожно заехавшего на полосу глинистой земли, выдал неизвестную машину.

След был явно недавний. Кандаурову стало тревожно, одновременно пришло возбуждение. Неужели убийство, а не несчастный случай, как могло показаться на первый взгляд? Впрочем, с электрички столкнуть тоже могли умышленно. Но если привезли машиной, значит – инсценировка. Значит, обдуманное и рассчитанное убийство. Вот и доктор сомневается в случайности такого удара.

– Пойдём, Миша, пришлём сюда ребят сфотографировать отпечаток. А мы с тобой поглядим, не остались ли другие следы. Могли, например, тянуть тело от машины до рва.

Кандауров медленно пошёл вперёд, внимательно разглядывая кочки, траву, и думал. Думал он о том, что если это убийство, и заранее обдуманное, то шанс найти преступника есть. Случайная жертва случайного бандита в поезде делает поиск почти бесперспективным. Но если убитая кому-то мешала, значит, преступник знал её. И пусть этих знакомых окажется множество! Он, Викентий Кандауров, просеет их всех и найдёт убийцу.

Глава 2

В шестом классе Лариса страстно влюбилась. Почти все девочки-одноклассницы вздыхали по мальчику Альберту из соседнего 6 «А», а ей он казался обыкновенным долговязым пацаном. Она же влюбилась в новую учительницу русского языка и литературы. Конечно, чувство, пришедшее к ней, можно назвать иначе: восхищение, преклонение, привязанность. Но, уже став взрослой и вспоминая то время, Лариса поняла: это была самая настоящая влюблённость. С восторгом, желанием постоянно видеть любимого человека, ревностью, надеждой, что Она догадается о затаённых чувствах, и боязнью этой догадки... Позже, в старшие годы, Ларисе приходилось читать о подобных ситуациях. Например, в женских закрытых пансионах девочки вот так же влюблялись в своих учительниц или старшеклассниц, «обожали» их в открытую. Она же свои чувства скрывала.

Молоденькая Наталья Викторовна стала преподавать им со второй четверти шестого класса. Ребята, конечно же, сразу всё выяснили о «новой училке»: ещё в институте вышла замуж, сразу после окончания родила, отсидела год с ребёнком и теперь, впервые, пришла работать в школу. К ним. Невысокая, худенькая, с милым веснушчатым лицом, рыжиной в густых каштановых волосах, она так хотела стать этим девочкам и мальчикам старшей подружкой, а не суровым ментором. Но ребята, почуяв слабинку, тут же сели ей на голову. На уроках класс гудел, на каждой парте шёл свой разговор, играли в морской бой и виселицу, поворачивались к доске спинами, ходили в гости к соседям. Лариса, хотя и любила урок литературы, хотя новая учительница ей сразу понравилась, тоже поддалась общему настроению. Но вот однажды она увидела, как Наталья Викторовна, в который раз безрезультатно воззвав к совести класса, вдруг заморгала часто и быстро отошла к окну, повернувшись спиной и глядя на улицу. Плачет! – поняла Лариса. И больно-больно, словно игла, уколола её в сердце жалость. Она оглянулась: одноклассники, занятые своими делами, ничего не заметили. А тут и звонок прозвенел.

На перемене ребята, как обычно, окружили Ларису, но она заявила: ничего они больше не узнают о приключениях д'Артаньяна и его друзей, если не перестанут доводить «Наталочку». Она впервые назвала учительницу так, хотя до сих пор все говорили «Натаха». Бурный спор продолжался всю перемену, но она настояла на своём: продолжение последует лишь завтра, после очередного урока русской литературы.

А дело было в том, что каждую перемену Лариса рассказывала одноклассникам, с продолжением, одну из недавно прочитанных книг. С начала шестого класса это была мушкетёрская эпопея. Они уже проскочили «Трёх мушкетёров» и «Двадцать лет спустя» и теперь всё глубже влезали в интриги королевского двора Людовика XIV, переживая за благородного Рауля, сына своего любимца Атоса... В школьные годы Ларисы ещё не выходил на экраны ни французский фильм, ни отечественный, и не вошло ещё в моду собирание домашних библиотек. Да и родители её одноклассников – в основном рабочий люд с машиностроительного завода, – этим не увлекались. А в библиотеках лучшие книги почему-то всегда оказывались «на руках». Ей же очень повезло. Был у неё друг – старик-пенсионер из соседнего подъезда, бывший институтский преподаватель. Таких книжных стеллажей, как у него – от пола до потолка, – девочка не видала даже в читальных залах. Его удручало, что ни дети, ни внуки интереса к чтению не проявляли. Потому девочка, горящими глазами глядящая на книги, водящая пальчиком по корешкам и с восторгом оглядывающаяся на него, сразу завоевала сердце старого книголюба. Читала она очень аккуратно, и он с радостью давал ей Майн Рида, Фенимора Купера, Стивенсона, Грина, Густава Эмара, Дюма...

Урок русской литературы прошёл великолепно. Минут через пятнадцать от начала Наталья Викторовна поняла, что ей не мерещится, и что тишина в классе – не подвох и не розыг-

рыш. Она расцвела, голос её набрал силу и чудесных интонаций, глаза блестели. К концу урока ребята были увлечены её рассказом и звонок, как обычно, не принёс шумной радости. А на перемене они получили ещё и очередную заслуженную порцию мушкетёрских приключений. В тот день Лариса рассказывала с особым вдохновением, мимикой и жестикуляцией. Неведомое до сих пор сладкое томление зарождалось в её душе. Так она влюбилась.

Ей хотелось ответного чувства. И молодая учительница выделяла её. Ещё бы: самая начитанная девочка, умеет мыслить, пишет стихи... Но вот однажды на уроке, разбирая домашние сочинения, Наталья Викторовна похвалила сначала другую девочку, а лишь потом Ларису. От горячей волны обиды, злости и ревности закружилась голова, она поймала взгляд учительницы и медленно, сначала надвое, а потом на четыре части разорвала тетрадь с сочинением... Уже во взрослые годы Лариса вспоминала об этом с веселой улыбкой. Как смешна была, наверное, худенькая шестиклашка в форме и с двумя косичками, с взрослой страстностью демонстративно рвущая тетрадку! Впрочем, через пару дней Лариса тайком поднялась на третий этаж знакомого подъезда, положила букетик первых весенних цветов на коврик у двери Натальи Викторовны, позвонила и стремглав сбегала вниз, на улицу, за угол, подальше...

Может быть, эта девчоночья влюблённость не помнилась бы Ларисе так долго, всю жизнь, если бы не была ознаменована другим – первым взрослым знанием о любви. Правда, зачатки этих знаний доходили до неё и раньше. В первом классе, например, детвора рисовала кружочки, проткнутые палочками, хихикала, шушукалась о том, что есть что. Лариса вроде бы и понимала, но, видимо, не включилась тогда ещё её фантазия, кабалистические знаки так и остались рисованными кружочками и палочками. А потом она, наверное, просто обо всем забыла. И когда, наконец, сработало живое её воображение, вновь обретенные знания потрясли. Оказались, по сути, шоком.

А случилось всё так. В классе с ней училась девочка, Аллочка Палиевская. Шестиклассницы худенькие тонконогие девчонки, а Аллочка была уже хорошо развита, полненькая, с густой, в мелких кудряшках гривой волос. С Ларисой она дружила и однажды на перемене доверительно сказала:

– Я на физкультуру не пойду. У меня месячные.

– А что это? – спросила Лариса.

Голубые, на выкате глаза Аллочки, казалось, ещё больше округлились.

– Ты не знаешь?

И она, утащив подружку на запасную лестницу, вдохновенным полушёпотом просветила не только об изменениях, ожидающих в скором времени и саму Ларису, но и о том, к чему всё это и каким образом происходит зарождение детей.

Дело в том, что к подобному открытию Лариса и сама подступила очень близко. Она знала, что рожают детей замужние женщины. Но как, каким образом организм женщины, всё то, что находится у неё внутри, в животе, узнаёт – она вышла замуж, у неё появился муж, можно рожать? Но самым таинственным и непостижимым казалось вот что: как может быть у ребёнка кровь отца? Говорят ведь – у детей группа крови или матери, или отца. Матери – понятно. Но почему отца?..

Минут десять нашептывала ей Аллочка жгучие секреты о мужчинах и женщинах: «Ложатся голые в кровать, он на неё, и тычет между ног!.. Жуть какая!..»

А урок был как раз – русский язык. Лариса сидела молча и сосредоточенно, но взгляд был отрешённый. Она представляла. Это ведь все, все взрослые так делают. И папа с мамой, и молодой сосед, недавно вернувшийся из армии с женой. Ну да, она ведь уже беременна. И... – Лариса вскинула глаза на учительницу, – и Наталья Викторовна! Нет! Тут всё в ней восстало против этой мысли. Такая милая, умная, красивая, какой у неё чудесный голос, как она стихи читает!.. Не может Наталочка эту гадость делать. Наверное, не все так делают... Девочка даже на мгновение успокоилась, перевела дыхание, но вдруг вспомнила: у учительницы есть

маленький ребёнок! Значит... И тут в воображении так ясно возникла картинка: два голых переплетённых руками и ногами тела с безобразными, воткнувшимися друг в друга частями... Она побледнела, закружилась голова, затошнило.

С того дня Наталья Викторовна перестала узнавать свою любимую ученицу. Лариса сделалась резкой, даже грубой, смотрит в сторону, сощурился глаза, отвечает кое-как. Что случилось с девочкой, как подойти к ней, понять? Впрочем, учебный год приближался к концу, а после летних каникул молодая учительница уже к ребятам не пришла: уехала вслед за мужем в другой город.

И к Ларисе за лето вернулся её обычный девчоночий покой. Новое знание не забылось, но отступило куда-то далеко в память, как ненужное. Конечно, читая и перечитывая свои любимые книги, она замечала теперь моменты, которые раньше не останавливали внимание, проскакивали мимо сознания. Например: «Мы не можем сказать, долго ли тянулась ночь для миледи, но д'Артаньяну казалось, что он ещё не провёл с ней и двух часов, когда сквозь щели жалюзи забрезжил день, вскоре заливший всю спальню своим белесоватым светом». Раньше-то она считала, что герой просто загостился допоздна у миледи. Но, спотыкаясь на этих фразах и понимая уже, о чём идёт речь, девочка не испытывала теперь резкого неприятия и брезгливости. Что об этом думать? Гораздо интереснее устроить в дупле большого дерева тайник и спрятать там написанную кровью клятву своей пиратской команды, где каждый имеет звучное корсарское имя, а она – капитан Джон Флинт!

И только в десятом классе вновь, теперь уже тревожно и томительно стали доносить Ларису мысли о сути тех взрослых отношений, которые в детстве так испугали её. Случилось это после того, как мальчик Альберт впервые тихо и, словно случайно, коснулся рукой её груди.

Глава 3

Убитая женщина была писателем, членом писательского Союза, автором пяти поэтических книг. Лариса Алексеевна Климова – ещё там, на месте происшествия, прочитал на обложке общей тетради майор Кандауров. Так оно и оказалось. В одном из районных отделений милиции уже лежало заявление мужа Климовой. Он до позднего времени не слишком беспокоился – после занятий литстудии Лариса частенько возвращалась затемно. А потом решил, что, задержавшись, она заночевала у родителей, живущих там же, в районе машиностроительного завода. Звонить тестям было бесполезно: старые люди, они, боясь поздних звонков, отключали на ночь телефон. И только утром, узнав, что жены у родителей не было, он сразу пошёл в милицию. Уже днём он и опознал женщину, развеяв все сомнения.

Сейчас, когда прошло несколько дней, Викентий Кандауров не сомневался, что погибла Лариса Климова не случайно. Это было убийство и, похоже, заранее обдуманное. В тот субботний вечер занятия студии затянулись. Начав в шесть часов, студийцы не окончили, как обычно, в восемь, а засиделись до десятого часа. В читальном зале заводской библиотеки, где собиралась литстудия, сказали ему, что задержки допоздна случались часто – этим людям всегда было интересно друг с другом.

– Да и мы, библиотекари, привыкли за много лет, не возражали, нам тоже интересно их слушать. Такие есть способные, просто талантливые ребята.

Пожилая женщина горестно покачала головой, продолжила:

– Ларочка сама из таких. Лет шестнадцать, наверное, было ей, когда пришла сюда, в литстудию, заниматься. Тогда руководил опытный литератор, критик Вениамин Александрович. Сильный коллектив у них подобрался, года четыре-пять прошло, и у некоторых ребят книги вышли. У Ларочки тоже. Тут мы её и поздравляли. Потом вторая книжка появилась, потом приняли её в Союз писателей. Последние годы она уже на занятия не ходила, пришли другие студийцы, молодёжь в основном. Да только Вениамин Александрович постарел, стал болеть и однажды сказал мне: «Уйду я на покой, а студию передам Ларисе Тополёвой, она сумеет, да и традиции продолжит». Он, знаете, всё называл её по девичьей фамилии, как привык... Так что Ларочка два года назад вновь пришла сюда, уже как руководитель студии.

Викентий Владимирович знал, что Ларису Алексеевну студийцы очень любили. Он уже беседовал со многими. Их было не двадцать семь человек, а меньше. Около десятка бывших студийцев на занятия последнее время совсем не ходили: кто-то бросил писать, потеряв к этому интерес, кто-то уехал из города. А со всеми, кто был на том последнем занятии – в субботу, – майор говорил подолгу и основательно. Сначала он хотел упростить себе работу, собрать всю студию вместе. Но нет! Кто-нибудь не решится или постесняется обратить его внимание на какую-то мелочь, штрих, слово или поступок, не выскажет своей догадки. Поэтому Кандауров и его помощник капитан Лоскутов лично нанесли визиты восемнадцати человекам, благо список из общей тетради был подробный, с указанием адресов, телефонов, мест работы.

Из тех, с кем встречался он сам, больше всего майору понравились двое: молодой аспирант Олег Белов и прораб Анатолий Васильевич Дубровин. Олег был виновником того, что субботнее занятие сильно затянулось. Читали и обсуждали его повесть. Этого события студийцы с нетерпением ожидали: парень несколько раз раньше читал небольшие отрывки из ещё незаконченной вещи – остроумная смесь бытового реализма с юмором и мистикой. И когда, на первом же после лета занятии Олег объявил, что повесть завершена, и он готов вынести её на суд, все обрадовались. Рукопись оказалась объёмной, а споры по прочтении разгорелись жаркие, вот и засиделись допоздна. И ещё бы продолжали говорить, да неудобно стало перед библиотекарями, у них рабочий день до восьми.

Кандауров и Белов сидели в пустой комнате зав кафедрой филфака университета. Новопечённый аспирант сам лишь весной окончил этот факультет. По записям в журнале Викентий Владимирович знал, что Климова ценила этого парня, считала его литературно одарённым и перспективным. Он спросил:

– И как, Олег, оценили вашу повесть ребята и руководитель?

Белов грустно улыбнулся, вспоминая:

– Коллеги, как всегда, от восторга до разведения руками. Много толковых, объективных замечаний было, это я люблю, для того и читаем друг другу свои опусы. Вот только нашего заглавного критика – Дубровина – на занятии не было, жаль. Уж он бы разобрал мою повесть по косточкам. Дотошный мужик, эрудированный. А Лариса Алексеевна очень меня похвалила. Сказала... – Олег замялся, застеснялся, что ли? – что я превзошёл её ожидания. Вообще, даже почти не делала замечаний. А ведь она у нас такой требовательной была, графоманства в литературе не выносила. Один такой «поэт», приходивший к нам несколько раз на занятия, писал на неё даже жалобы в Союз писателей. Климова, мол, из личной зависти затирает таланты, а из реакционных чувств не даёт ходу его стихам, воспевающим нашу новую жизнь. Старый маразматик!

– И что, – спросил заинтересованно майор, – отреагировали на эту жалобу?

Парень иронически сморщил переносицу:

– Он жаловался в нашу городскую организацию. А там Ларису Алексеевну знают, ей стоило лишь показать его вирши, и всё стало ясно. Он, правда, пригрозил, что напишет в столицу. Да в большом Союзе до таких жалобщиков дела нет.

Кандауров отметил, что Белов очень по-свойски назвал писательскую организацию страны. Подумал: «Наверное считает, что его вступление в «большой Союз» не за горами». И, подтверждая его мысли, Олег тут же сказал:

– Лариса Алексеевна ещё до чтения последней повести говорила мне, что я мог бы уже составить небольшой сборник прозы. И сама посылала мои рассказы со своими рекомендациями в журналы. Два были напечатаны: в нашем городском журнале и одном столичном. – Голос у парня дрогнул. – А в ту субботу, когда уже расходились, она сказала: «Всё, Олег, садись за работу, готовь рукопись, будем пробиваться в издательство...»

Олег прикрыл глаза рукой, помолчал. Потом сказал тоскливо:

– Как всё совпало: и Анатолия Васильевича не было, и Тимоша куда-то торопился!

Кандауров не понял, и Белов пояснил:

– Ларису Алексеевну обычно провожают домой после занятия или Дубровин – он там недалеко живёт, или Тима Романов, наш студиец.

– Молодой парень? – спросил майор, вспомнив названную фамилию. Он обратил на неё внимание, ещё просматривая список: везде пунктуально были указаны и место работы, и должность, и только против фамилии Романова – лишь один домашний адрес. Олег пожал плечами:

– Мой ровесник. Верный паж Ларисы Алексеевны. Всегда просто рвался её сопровождать. А именно в этот раз – и не смог! Даже ушёл раньше – мы ещё час, наверное, сидели.

В голосе молодого человека Викентий Владимирович уловил нечто... Удивление? Сомнение? Намёк? Он не стал сейчас разбираться, но в памяти сделал зарубочку. Просто спросил ещё о Романове:

– Он где работает?

Олег опять пожал плечами, чуть покривил губы:

– Он у нас вроде на творческих хлебах. Чистым искусством зарабатывать хочет. Темпераментная натура. Думаете, фамилия у него от дворянских кровей? От цыганских.

В дверь кабинета стали заглядывать. Сначала молодая преподавательница шагнула, было, но, извинившись, притворила дверь. Потом просунулась лохматая голова студента. Кандауров подумал: пора закругляться.

– Много у вас здесь работы? – спросил напоследок.

Белов аккуратно отвёл со лба на затылок длинные светлые пряди волос: такая причёска делала его старше, солиднее. Ответил обстоятельно:

– Читаю небольшой курс «Поэты пушкинской эпохи», пишу кандидатскую диссертацию.

На этом их разговор окончился.

Дубровину майор позвонил домой вечером, договорился подъехать сразу же. Они сидели в небольшой кухне – стандартный многоэтажный дом нового микрорайона, пили чудесный цейлонский чай, свежесваренный. Жена Анатолия Васильевича – Лиза, как он её представил, – недавно вернулась из круиза по Средиземноморью и привезла, кроме двух жестянок такого чая, несколько альбомов по искусству, истратив на это всю обменную валюту. Несмотря на полноту, лёгкая в движениях Лиза, разливая чай по чашкам, сказала, приглушив звонкий голос:

– Лариса с мужем должны были прийти к нам на этот чай вот на днях... Мы с Толей приглашали их. Как всё страшно!

– Вы дружили семьями? – спросил Кандауров.

Дубровин ответил:

– Я ведь часто провожал Ларису Алексеевну по субботам. Заходил на полчаса: продолжить разговор, пообщаться с Всеволодом Андреевичем. Он архитектор, у меня тоже высшее строительное образование. Да и не только в этом, в литературе, искусстве вкусы наши совпадали. Вот только в политике современной, в тех процессах, что идут в стране, мы не сходились, часто спорили. Вернее – дискутировали, поскольку дружбе это не мешало.

Дубровин – невысокий, коренастый, лет около пятидесяти, с пристальным открытым взглядом и глуховатым голосом. Он был, как уже знал Кандауров, старостой литстудии и, что теперь выяснилось, другом Климовых. Майор чувствовал к нему симпатию и подумал, что этот человек может быть ему хорошим помощником. Анатолий Васильевич уже рассказал, что в роковую субботу не успел вернуться из командировки. Он работал в пуско-наладочной лаборатории одного института, часто выезжал вместе с бригадой по вызовам заводов, где стояло их оборудование. Вот и на этот раз – срочная поездка в Донецк, сложная поломка. Думал выехать в пятницу, очень хотелось быть на обсуждении повести Олежки Белова. Но пришлось работать и субботу.

– В чём же были ваши политические разногласия? – спросил Кандауров, сделав ироническое ударение на слове «политические». Что за время настало! Каждую семью нынче будоражат политические страсти: отцы – консерваторы, дети – демократы, внуки – юные бизнесмены с криминальным уклоном... Что же говорить о большом коллективе, таком, как литстудия!

Дубровин уловил и принял иронию, тоже улыбнулся.

– Вы правы, конечно, «политические» – это сильно сказано. Если в двух словах, то так: меня восхищал несколько лет назад своей смелостью и раскованностью журнал «Огонёк», я и сейчас его поклонник. А Лариса Алексеевна и её муж всегда читали и «Огонёк», и мои любимые газеты «Московский комсомолец», «Московские новости», но и другие, альтернативные – газету «Литературная Россия», журнал «Наш современник». Сами знаете, как разнятся позиции этих изданий. Вот нередко на занятиях и дома у Климовых мы пытались доказать друг другу свою правоту.

– И что, получалось?

Дубровин немного смутился:

– Вы знаете, через некоторое время я понял одну вещь: во всём. Сейчас происходящем, есть самые разные стороны. А я, возможно, и правда был закольцован вокруг одной позиции, может быть даже не собственное мнение имел, а навязанное... Путано я, наверное, говорю. Но, главное, Лариса Алексеевна одного добила – я теперь стараюсь читать разные издания и составлять своё мнение.

Наверное, разговор поворачивался на какую-то боковую, не самую важную тропу. Но всё же Кандауров поддержал его, надеясь и здесь увидеть подсказку, нужный поворот. Кто знает, что пригодится, розыск ещё в самом начале.

– Для вас, значит, мнение Ларисы Алексеевны не прошло даром. А что можно сказать о других студийцах?

Его собеседник пригладил редеющие волосы.

– Да, я оказался не одинок. Но и другие были. Один молодой поэт перестал даже ходить на студию.

– Кто это?

– Зовут Дмитрий Жилин. У него с Ларисой Алексеевной и раньше случались стычки на литературной почве. Дима однажды заявил, что таких авторов, как Василий Фёдоров или Николай Рубцов нельзя и за поэтов считать. Истинная поэзия – Пастернак, Мандельштам, Бродский, а то – примитив. Лариса Алексеевна в ответ взяла и прочитала стихотворение Фёдорова. А Жилин процитировал Пастернака. Лариса Алексеевна – Рубцова, он – Мандельштама... Тогда она обратилась ко всем: «Смотрите, ребята, разве можно возвеличивать один талант за счёт унижения другого? И откуда у тебя, Дима, такое неприятие поэзии, идущей от родных корней?» А вскоре у них – вторая стычка, теперь уже по поводу газетно-журнальных пристрастий. Дмитрий был груб, но, знаете, у меня такое ощущение, что у него с психикой не всё в порядке. Вскочил, глаза горят, на губах чуть ли не пена пузырится. Закричал, что Лариса Алексеевна шовинистка и черносотенка, убежал...

– А она?

– Она головой покачала так огорчённо. Говорит: «Знакомая лексика: ярлыки навешивать, оскорблять... Задурили парню голову. Разве можно с такой злостью в душе жить и творить?» Жаль ей было его, парень-то Дима способный.

– Когда это произошло?

– Зимой ещё, в феврале, кажется.

– Больше Жилин на занятия не приходил?

– Нет, с тех пор не появлялся. Хотя, если бы пришёл и извинился, Лариса Алексеевна была бы рада.

Они помолчали, затягиваясь дымом. Кандауров курил первую сигарету, Дубровин уже третью. Лиза, молчаливо присутствующая при разговоре, во время паузы вновь наполнила их чашки, подложили в тарелки по кусочку торта.

Викентий Владимирович, наконец, сказал:

– Я скажу вам, Анатолий Васильевич, одну вещь. Судя по всему, убийство Ларисы Алексеевны – не случайность. Как мы говорим, заранее обдуманное и организованное.

Лиза тихо ахнула, прижав ладонь к щеке, у Дубровина заходили на скулах желваки.

– Кто же мог? – выговорил через силу. – Такой человек... Все любили...

– Как выясняется даже из нашего с вами разговора – не все.

Дубровин был искренне взволнован.

– Нет, Викентий Владимирович! Вы не можете так думать! Чтобы наши ребята...

– Успокойтесь, ради Бога! – Кандаурову стало жаль его. – Я никого не подозреваю. Но ведь случилось всё именно в субботу – после литстудии. И так совпало: некому было проводить Климову, занятие затянулось... Вы можете помочь мне: хорошо знаете Климову, её семью, студийцев. А я всё больше склонен предполагать, что убийство связано с моментами жизни погибшей – что-то из её прошлого или настоящего. Вдруг вы о чём-либо вспомните. Оказаться важным может даже незначительный эпизод... У кого-то из студийцев есть машина?

Удивлённо вскинув брови, Дубровин покачал головой, облегчённо перевёл дыхание:

– Нет, откуда! Те, кто постарше – люди моего достатка. А молодёжь из скромных семей. Впрочем... – он замялся, – я мало знаю об их родителях. Может, у кого-то и есть... Вот видите! – воскликнул огорчённо. – А вы говорите «много знаю»!

– Ничего, ничего, – успокоил его Кандауров. – Мы уточним, а если и есть, это ещё ничего не значит. Подумайте, Анатолий Васильевич! Может, припомните то, о чём стоило бы рассказать?

Лиза положила руку мужу на плечо:

– Толя, – сказала она. – А тот ваш мальчик, которого убили бандиты?

Глава 4

В конце летних каникул, когда ребята собрались в родной школе, они узнали, что десятых класса у них будет всего два, в то время как девятым насчитывалось аж до буквы «Е» Многие из бывших одноклассников ушли в ПТУ: как раз в тот год профтехучилища стали общеобразовательными. Кто-то рванул в техникумы, а те, кто перебивался с двойки на тройку, устроились работать и оканчивать вечернюю школу. А всё потому, что ещё в конце учебного года ходили упорные слухи: программа десятого класса очень усложнена, требования – как к студентам, кто сумеет окончить, попадёт в институт почти без экзамена.

Лариса очутилась в 10 «А», где её бывших одноклассников было меньше трети. И неожиданно для себя подружилась с ребятами из параллельных классов, кого знала давно, но только в лицо. Таня Суркова тоже писала, но не стихи, а заметки в молодёжную газету, собиралась поступать на факультет журналистики. Славка-рыжий, несмотря на свой мрачный вид, оказался остроумным и начитанным парнем. Альберт Грёмин, кумир женской половины школы, был, как пришлось признать Ларисе, достоин того. Он играл на пианино, и часто на переменах, не ломаясь, садился к инструменту в актовом зале, легко выдавал всё, что ни просили: малышам – песенки крокодила Гены, ровесникам – Высоцкого. А иногда сам музицировал, самозабвенно прикрыв глаза: когда классику, когда джаз. Так же самозабвенно он мог гонять мяч на школьной спортплощадке и орать немзыкальным баском: «Пас на меня!» И, к тому же, осанкой, выразительными чертами лица, легко вьющимися русыми волосами, а, главное, врождённой непринуждённостью манер он отличался от других парней, так же вытянувшихся и возмужавших к десятому классу.

Их дружная четвёрка вовсе не была двумя парами. И не стремилась к этому. Девчонки сидели за одной партой, мальчики – на следующей за ними. Так удобно было переговариваться, подсказывать друг другу решение задачи или трудное слово в диктанте, шутить над учителями или обсуждать одноклассников. Бывало, и с уроков сачковали вместе – в кино или погулять по парку. Правда, после школы встречались не часто, у каждого были ещё свои особые занятия и увлечения. Альберт играл в любительском джаз-банде какого-то института, прыгал с парашютом. Славка возился в отцовском гараже с мотоциклом, и когда эта старая тарактелка бывала на ходу, выжимал всё возможное на загородных трассах. Татьяна часто уезжала в редакцию своей любимой молодёжки на семинары или с репортёрской бригадой отправлялась в рейды. Лариса в это же время стала ходить в литературную студию.

Когда, ещё в первом классе, она начала сочинять, это были не стихи, а увлекательные истории о героических приключениях мальчика-партизана из военного времени. Она тогда, конечно, не записывала их, а придумывала и просто рассказывала ребятам из своего двора. Теперь же рассказов и неоконченных романов набралось несколько общих тетрадей. Однако сама Лариса относилась к ним иронично, считая серьёзными лишь свои поэтические пробы. И на студию она понесла стихи.

О существовании такого коллектива она узнала от Тани Сурковой. Подруга по заданию своей газеты делала литстраничку о студии.

– Знаешь, – говорила она Ларисе, – мне очень понравилось. Там недавно сменился руководитель, пришёл толковый мужик, профессиональный писатель, разогнал старичков-графоманов, и сейчас там, в основном молодёжь. Интересные ребята. – Состроила гримаску, закатив глаза. – И творчески, и внешне! И вообще, мне кажется, эта студия лучшая в городе. Хотя главной считается та, что при городском Союзе писателей. А ты ведь из профессионалов никому свои творения не показывала?

– Валентине Ивановне, – ответила Лариса, и обе девочки засмеялись. Учительницу русского языка и литературы они всерьёз не воспринимали. Однажды на уроке Лариса сильно

увлеклась, дописывая последнюю главу своей поэмы «О любви и смерти», за что и была наказана. Валентина Ивановна тетрадку отобрала, а через два дня вернула, жирно подчеркнув красным карандашом все грамматические ошибки. Сказала: «Рифма часто глагольная, ритм сбивается, а тема – рано тебе ещё об этом! И вообще, Тополёва, учи лучше правила!»

Она сказала это в самом начале урока, при всех. Но Лариса совсем не оскорбилась. Ей самой очень нравилась поэма – романтическая история о любви королевы и шута. Она ждала большего, – что учительница назовёт её эпигонкой, ведь история явно была навеяна строками Игоря Северянина: «Это было у моря, где ажурная пена...» Но учительница этого не заметила, чем и позабавила ученицу: «Не знает Северянина...» Однако другу Славке, наверное, показалось, что Лариса обижена. Потому что громко, сквозь зубы, он процедил:

– А вы, Валентина Ивановна, наверное, тоже писали стихи? Может, и сейчас пишете? Завидно, что так, как у Тополёвой, у вас никогда не получится?

История оказалась громкой. Славку долго таскали по кабинетам директора и завуча, теребили его родителей. Потом всё улеглось. Только «русичка» теперь, даже видя, что Лариса пишет на уроке в знакомой общей тетрадке, предпочитала этого не замечать.

С первого же дня на студии Лариса почувствовала себя легко и даже уютно, хотя и оказалась самой младшей. Правда, не на много: ребята на два-три года старше неё уже работали или учились в Вузах, техникумах. Были студийцы и постарше, но все звали друг друга по именам. Родя, Женя, Лёля, Саша... Она впервые читала свои стихи вслух, но не стеснялась, и впервые увидела, как здорово ребята поняли её. Разговор шёл не только о рифме и ритме, но о необычном образе, о затаённых чувствах, о наивном, но тем и привлекательном толковании избитой истины... Говорили и о другом: «Ты ведь пишешь сразу набело? Это чувствуется. Если сказать слово «небо», какое определение первое приходит в голову? «Голубое», или «чистое», или «хмурое» – да? Вот ты такой шаблончик и ставишь, не даёшь себе труда подумать, поискать. Ничего, научишься работать».

Да, первое же занятие для Ларисы оказалось радостным потрясением. Сколько открытий сделала – даже не представляла, что так может быть. А слова руководителя, Вениамина Александровича, вдохнули в неё веру: да, она будет писателем, поэтом. Он сказал: «почти всегда можно предсказать, какое литературное будущее у человека, пришедшего к нам. Один толчётся на месте, и чувствуется, что с него не сойдёт. Другой нашупал тропинку, осторожно идёт по ней, но путь ещё долог. А эта девочка уже вышла на широкую поэтическую дорогу. Она ещё в самом начале её, однако стоит набрать хороший темп, и она зашагает легко и уверенно!»

Ах, как легко и чудесно жилось ей! Как раз тогда Лариса впервые начала писать стихи о любви. Она посвящала их «А.Г.», но Альберт – Алька – не знал об этом. Но, может, догадывался? Всё чаще стал он меняться местами с Таней, садиться к Ларисе за парту. То задача по физике трудная – Лариска подсказет, то сочинение намечается – она подкинет идею. А если английский, – пожалуйста, он готов сесть рядом и переводить Лариске тексты.

Таня первая сказала ей:

– Алька в тебя влюбился.

Она подняла на подругу сияющие глаза, и Татьяна удивлённо воскликнула:

– И ты тоже? Поздравляю, хорошо конспирировалась, я даже и не подозревала.

И добавила, покачав головой:

– Ох, завидовать тебе будут от пятиклашек до наших практиканток!

Несколько предметов у них вели студентки педвуза. А Лариса спросила с внезапной тревогой:

– А ты... тоже?

Татьяна вздохнула обречено:

– Не без этого... Но не переживай, я – в меньшей степени.

Уже через два дня, на первой же перемене утащив Таню в дальний конец коридора, Лариса, кусая губы и сжимая переплетённые пальцы, выдохнула:

– Танечка, Алик признался мне!.. Любит!.. И я тоже!..

– Да видела я, как вы сидели на уроке, держась за руки! Ты думаешь, это серьёзно?

Схватив подругу за руки и заглядывая ей в глаза, Лариса тревожно зашептала:

– Не знаю... Боюсь... Кажется, серьёзно! А ты что думаешь?

Таня пожала плечами:

– Я тут не советчик. Скажу только, что Алька парень взрослый, толковый. Другие наши мальчишки по сравнению с ним пацаны.

Таня не спросила, а Лариса не стала говорить, хотя и очень хотелось, что Альберт поцеловал её.

Промелькнула зима. Незаметно так, в прогулках под медленно летящими хлопьями снега, в походах на каток, в новогоднем школьном маскараде. Всё это время вокруг существовало множество людей, но они – Лариса и Альберт, – держась за руки, были одни. Видели только друг друга, говорили друг для друга. Качнулась и вновь выпрямилась кривая их отметок – они не заметили этого. Для обеих учёба никогда не была главным делом, потому и теперь не мешала.

А класс следил за их романом. Мальчики, в основном, сочувственно, девчонки – с завистью. Но зависть тоже разная, злая и добрая. Однако все – с большим интересом, догадками, предположениями. Их это тоже не волновало, хотя отголоски догадок доходили к ним через Таню и Славку. Одноклассников больше всех занимало: было «что-то» между ними или не было?

Что-то было. В пустой школе, когда они, оставаясь вдвоём дежурить, задерживались до темноты, пока коридоры не становились гулко-безлюдными. У Ларисы дома, в её комнате, зная, что деликатные родители без стука не войдут. В чужом подъезде, облюбованном ими за то, что на всех пролётах стояли огромные раскалённые радиаторы, а изредка появлявшиеся жильцы были доброжелательны к девочке и мальчику, сидящим на широком подоконнике, крепко держась за руки... Они целовались до головокружения, а руки Алика сначала так робко касались её груди. Девочка с шёпотом и дрожью отказа отстранялась. Но мальчик становился всё настойчивее, и его горячий шёпот был нежен, умоляющ, убедителен... И вот уже лёгкий стон прорывался из полуоткрытых губ навстречу его губам, прожигаящим её тело сквозь лёгкий свитерок... Потом по ночам болела голова, она не могла заснуть, вновь переживала свой страх, когда впервые ощутила упругие толчки его возбуждённого тела. Они стояли в полутёмном классе, Алька обнимал её одной рукой за плечи, вторую положил на талию... ниже, и вдруг крепко прижал. Она не сразу поняла, что с ним, замерла, но, вскрикнув, одним движением вырвалась, отбежала к окну.

Однажды он рассказал ей, что уже был один раз с женщиной. Это произошло минувшим летом, в крымском пансионате, где он отдыхал с родителями. Мать познакомилась и подружилась с молодой женщиной – отлично загоревшей длинноногой блондинкой. Наташа стала составлять им компанию на пляже, заплывать с хорошо плавающим Аликом далеко за буйки, ходить в кино со всем их семейством, а иногда только с Аликом, если родители хотели отдохнуть. Приятная их дружба длилась недолго: Наташа всего через неделю собралась уезжать. А в последний день позвала Алика к себе в номер, сказала: «Ты взрослый парень. Не пора ли мужчиною стать? Мне ты нравишься...»

После этого алькиного признания он и Лариса три дня сидели на разных партах. У неё был задумчиво-отрешённый взгляд, его же глаза влажно блестели. Раз он не выдержал, в середине урока попросился выйти, а выскочивший вслед за ним Славка увидел, как Альберт плачет, склонившись над подоконником и повторяет обречено: «Дурак, дурак! Она не простит!» Но кончилось всё тем, что он, наклонившись над своей партой, дотянулся до её локтя

и тихонько подсунул записку: «Я тебя люблю». Её глаза, остававшиеся сухими все эти дни, затянуло влажным туманом, щекам стало горячо, и Лариса поняла, что теперь она любит его даже сильнее. Ведь мысль о том, что он уже мужчина, что он знал взрослую женщину, лежал с ней в постели, и тело его, то самое тело, напор и толчки которого так её пугали, было обнажено и делало то, что ей представить так трудно!.. Эта мысль не только заставляла её страдать, не только вызывала отвращение – да, это так! – но и была странно притягательна и сладка. Воображение так и подталкивало представить себя на месте той женщины!..

Весной, в начале апреля, у Альберта был день рождения. Первому из их четвёрки ему исполнилось семнадцать. Пригласил он только Ларису, Таню и Славку. Впервые Лариса шла к нему домой. Она, конечно, знала об отце Альберта – заместителе директора машиностроительного завода, о матери – преподавательнице музыки, о старшем брате Леонарде – студенте актёрского факультета. Идти одной было ей страшновато, Татьяна тоже стеснялась. Вот они и встретились недалеко от алькиного дома, пошли вместе. Лариса подарила Альберту книгу Давида Вейса «Возвышенное и земное» – о жизни Моцарта. Купила втридорога на чёрном книжном рынке. Она боялась, что такая книга может оказаться в его домашней библиотеке. Но всё обошлось. У Грёминых и библиотеки-то не было: две полки разномастных книг. Так что подарок понравился. Нарядная красивая женщина несколько раз воскликнула: «Какое чудо! Какая ты умница, Ларочка!» Лариса зарделась: ей была очень приятна ласковая похвала его матери. Ведь ей так хотелось понравиться в этом доме.

Альберт провёл девочек сначала в свою комнату, где уже сидел Славка и высокий франтоватый парень с весёлыми глазами, тонкими усиками и с гитарой в руках.

– Мой брат Леонард! – торжественно представил его Алик. – Всерьёз прошу не принимать!

На что тот ответил шикарным струнным аккордом, низко склонив кудрявую голову, и почти пропел:

– Можно просто Лёнчик. Садитесь, девушки, не робейте!

Через пять минут Лариса и Таня смеялись, слушая несколько фривольные куплеты, болтали. Было хорошо и легко. А потом, постучав, в комнату заглянула мама и позвала «ребят» к столу.

Светлым и радостным запомнился Ларисе этот именинный вечер. Все были такими милыми. Папа Альберта оказался невысоким, лысоватым и немолодым, с невыразительным лицом. Но чувствовалось, что он шутник, душа компании. Он выстрелил пробкой от шампанского в потолок и стал наполнять бокалы пенистым напитком, громко вопрошая:

– Ну, молодёжь, всем уже есть шестнадцать?

Лариса впервые в жизни попробовала спиртное, но, конечно, никому об этом не сказала. А вскоре стало ей так весело, так приятно кружилась голова, таким остроумным казалось каждое сказанное за столом слово!

Наверное, но только её повело от игристого вина. Потому что Лёнчик вдруг вскочил, двумя лёгкими взмахами салфетки вытер Танины ладошки, поднял её со стула и воскликнул:

– Всё, хватит жевать! Музыка, танцы!

Танцевали ещё в одной, третьей комнате. С лёгким шуршанием закрутилась бабина, зазвучало танго. Лариса, казалось, ничего не ощущала, только свои руки на плечах Альберта и его дыхание у своей щеки. Но всё же она услышала, как Лёнчик, танцуя с Таней, говорил игриво:

– Танюша! Вы слышите капель и видите, что солнце стало ярче, и понимаете – пришла весна. Но вы ещё её не чувствуете! А вот когда в вас будет каждая клеточка трепетать, томиться и просить чего-то безрассудного, тогда вы ощутите – пришла весна! Года через два-три вы поймёте, о чём я говорю.

Лариса понимала это уже сейчас. Пришла весна.

Глава 5

Широкий, хорошо освещённый проспект был почти безжизнен. И машина могла бы мчаться в это позднее время на полной скорости. Но пассажир, садясь в такси, предупредил: «Поедем спокойно, я не тороплюсь», и шофёр ехал теперь в своё удовольствие, наслаждаясь пустой дорогой, мягким шуршанием шин, лёгким ветерком в приспущенное окошко. От низшедшего на него чувства умиротворения ему захотелось обсудить с пассажиром слухи о грядущих, как будто, повышениях цен и денежных реформах. Но, глянув через плечо и увидев, что человек на заднем сидении задумчив и сосредоточен, решил не мешать.

Конец сентября – бабье лето, тёплый вечер, мелькание теней в жёлтых фонарных бликах за окном такси... Викентий Кандауров и видел это всё, и не видел, думая о своём. Поскольку поездка, из которой теперь возвращался, была деловой, он и думал о деле. Климова Лариса Алексеевна... Лариса Тополёва... Он читал её поэтические сборники. Муж погибшей объяснил: «Первая книга Ларисы вышла ещё до нашего знакомства, под её девичьим именем. Поэтому, взяв мою фамилию, она оставила себе псевдоним – Тополёва». Стихи Викентию неожиданно очень понравились. Словно бы простые и незамысловатые, они таили в себе нечто неразгаданное, тревожное, туманящее глаза и учащающее пульс. И ещё ему стало казаться, что он знал эту молодую женщину, свою ровесницу – да, им ведь обоим по 36 лет. Могли учиться в одной школе, летом ездить в один пионерлагерь, быть однокурсниками... Хотя, правда, они разные ВУЗы оканчивали. Но в принципе... Могли, например, влюбиться друг в друга! Викентий с гнетущей тоской вспомнил свою бывшую жену. Глупый, неопытный мальчишка-студент, принявший умелое кокетство за любовь! Десятью годами маеты заплатил он за скорое рождение ребёнка и за то, чтоб быть рядом с любимой дочуркой. И всё же, четыре года назад, получив развод, жена увезла девочку далеко, в другой город... Почему он не встретил в те свои юные годы Ларису! Он бы не смог не заметить её. Доброжелательная и ироничная, открытая и загадочная, весёлая и отрешённая – она была не такой, как все, выделялась. А там – кто знает? Может, и он бы ей понравился. Вот ведь муж её, Всеволод Климов, очень похож на него, Кандаурова. Одного роста – выше среднего, сухощавы и мускулисты, темноглазые, темноволосяе, у обоих височки сединой тронуты, правильные, твёрдые черты лица. Вот только он, Викентий, носит усы, а у Всеволода ещё и борода – небольшая, в русском стиле. Так что, думал Викентий, окажись в своё время на месте Климова он... Странное это чувство – внезапная симпатия к незнакомому и уже неживому человеку. Как объяснить свой долгий пристальный взгляд на фотографию умершей женщины, невозможность отвести глаза от её глаз? Правда, и фото очень удачное: чуть сдвинув брови и склонив голову к плечу, Лариса Климова смотрит прямо и вроде бы серьёзно. Но в уголках губ и глубине глаз проскальзывает смешливый вопрос: «Ну что?..» Фотографию майор носил с собой – неизвестно, когда она может понадобиться в целях розыска. Но, возвращаясь домой, ставил снимок под стекло книжного шкафа, весь вечер поглядывал в ту сторону. Теперь, вспоминая свою первую встречу с Климовой, во рву, недалеко от платформы, он испытывал такую жгучую жалость! Безжизненное худенькое тело, руки ладонями вверх, согнутые в коленях ноги, густые тёмные волосы, залитые кровью... Викентий знал, что найдёт убийцу, и хотел только одного – поскорее!

Но поиск пока что шёл медленно. Не обнаруживались следы автомобиля, того, который, предположительно, привёз тело. Отпечаток покрышки пока безлик, он сможет «заговорить» лишь при сравнительном анализе. Надо было найти людей, видевших машину. Пригородная платформа называлась «Дубовая роща», и по обе стороны от неё располагались дачные посёлки: выросшие за последние пять лет дома на стандартных шести сотках. Кануло в прошлое время, когда дачные строения не должны были выходить за определённые размеры. И

потому здесь дома стояли очень разные: от скромных дощатых до настоящих каменных усадеб в три этажа – каждому по достатку.

Один посёлок – слева от платформы, – тянулся вдоль самой железной дороги, второй – правый, – располагался дальше, через лесок и поле. Сразу за платформой пути пересекала широкая автомобильная трасса. Капитан Лоскутов и двое толковых ребят-оперативников искали среди дачников тех, кто в субботу приехал поздно, после десяти вечера, или выходил уже затемно – по делам или погулять. Таких не нашлось. Экспертиза показала: Климова погибла от десяти до одиннадцати часов вечера. Но тело могли привезти и позже. Поэтому оперативники интересовались временем вплоть до утра. Но всё оказалось бесполезно. Никто не видел машины, не слышал рокота мотора. Ближайшее село Калиновка стояло в нескольких километрах дальше, жители его пользовались следующей платформой. Но всё же капитан и его помощники наведались и туда. Интересовали их те, кто имел свой автомобиль, а также ребята-мотоциклисты. Кто-то из владельцев машин мог возвращаться поздно из города, а парни, как известно, любят гонять по ночным трассам с ветерком и рёвом на своих двухколёсных мустангах... Но нет! Двое сельчан – один сразу после десяти, другой за полночь вернувшись домой, уверяли, что на подъезде к Калиновке и машин-то встречных не было. А мальчишки в тот вечер, как назло, гоняли мотоциклы не по трассе, а по лугу у реки... Неизвестная машина казалась невидимкой. Была ли она вообще?

И как Климова попала в машину? Где, в какое время? С помощью Дубровина и других студийцев оперативники восстановили обычный субботний маршрут Ларисы Алексеевны. Библиотека, где проходили занятия, находилась на одной из центральных улиц района. Обычно выходили все вместе, с улицы сворачивали на широкую парковую аллею, которая, оглябая стекляшку-кафе, выводила прямо к входу в метро. Здесь прощались: многие жили тут же, в посёлке. Этот район так издавна привыкли называть – «посёлок МЗ», – хотя и по числу живущих, и по архитектуре он был настоящий небольшой город. Вокруг стали появляться свои микрорайоны. В один из них трамваем уезжал Олег Белов. В другой, если не провожал Ларису Алексеевну, – автобусом Тимофей Романов. А Климова с Дубровиным спускались в метро и ехали до станции «Университет», в самый центр города. Там к дому Климовой оставалось минут пятнадцать ходу. И шли они, обычно, короткой дорогой – через больничный двор, позволявший им миновать длинную узкую улицу, совершенно пустынную вечерами, словно находилась она где-то на отшибе, а не в двух шагах от главного городского проспекта... Они выходили лишь в самый её конец. Теперь оставался последний поворот, подъезд Ларисы Алексеевны, и дальше Дубровин шёл к себе пешком ещё минут пятнадцать.

В памятную субботу, выйдя в десятом часу из библиотеки, ребята и руководитель пошли через парк в кафе. Они часто, по пути в метро, заходили сюда взять по чашечке кофе и продолжить ещё немного свои разговоры. В тот вечер им тоже не хотелось так скоро расставаться, хотя было и поздно. Кафе работало до 23-х часов, но, как на зло, там гуляла шумная свадьба и посторонних не обслуживали. Так что пришлось пройти мимо и распрощаться у метро. Лариса Алексеевна поехала домой одна. Ребята видели, как она, опустив монету, прошла турникет, обернулась, махнув им рукой, и стала спускаться вниз по эскалатору.

Дежурные, работавшие в тот вечер на станциях «МЗ» и «Университет», утверждали, что всё было тихо, спокойно. Розыскников интересовали даже малейшие происшествия. Однако и тогда кроме двух пьяных, шумной компании подростков да пожилого человека, у которого прихватило сердце, ничего выявить не удалось. Пьяниц задержали ещё у турникетов, не пропустив к поездам, подростки присмирели, увидев патрульного, а сердечнику дежурная вызвала врача, сделали укол и позвонили домой родственникам.

Итак, похоже, метро Лариса Алексеевна миновала благополучно. Оставался, правда, один вариант, проверить который было практически невозможно. Климова могла на станции или в вагоне электрички встретить кого-то и поехать с этим человеком... Кандауров решил

эту версию всё же пока отставить. И тогда оставалось наиболее вероятное предположение: с Климовой случилось нечто по пути от станции «Университет» к дому.

Викентий Владимирович с теплотою подумал о своём расторопном помощнике Мише Лоскутове. Молодой капитан с двумя оперативниками перевернул вверх дном больницу, через двор которой Лариса Алексеевна обычно ходила домой. И нашёл-таки двух старичков-стационарников, которые, вопреки режиму, страдая бессонницей, долго, чуть ли не до полуночи гуляли на свежем воздухе по больничным аллеям. Молодую женщину в брюках они не видели, – утверждали уверенно. Вообще, когда стемнело, через больничный двор прошли лишь пожилой мужчина да супружеская пара – с сумками, говорили о детях... «Люди не любят по темноте ходить здесь, – сказал один старик. – У второго выхода как раз стоит домик морга. Не очень-то приятно...»

Итак, можно было предположить, что, возвращаясь поздно, одна, Климова не пошла короткой дорогой через больничный двор. Предпочла людный проспект и уже с него свернула на ту самую длинную пустынную улицу.

Эта улица – последний перегон перед поворотом к дому. Викентий Владимирович сам подключился к группе, которая искала возможных свидетелей. И вновь – ничего! Как совпало: именно в тот вечер шла по телевидению очередная серия длиннющей мелодрамы. Сам Кандауров не смотрел и даже точно не знал бразильский или мексиканский этот фильм. Но поразительно, как много людей ждали продолжения красивой душещипательной истории! Так что в окна никто не глядел, и по улицам не гуляли. Нашлась, правда, группа молодёжи, которая в одном дворе в тот вечер пела под гитару. Ребята, конечно, не только пели, но Кандаурова интересовало другое: не выходили ли они или кто-то из них на улицу, не слышали чего-нибудь? Но, увы, никто не покидал своего уютного места на детской площадке между песочницей и качелями. А слышать... Они и себя-то с трудом слышали.

Мимо, мимо, мимо...

Шофёр проскочил левый поворот и плавно свернул под широкий мост. Скоро они выедут к центру города, промчат по проспекту, совсем рядом от дома Климовой, но дальше, к пустой тёмной квартире Викентия. Он зажжёт свет, вскипятит себе чай, включит телевизор – ещё успеет посмотреть ночные новости... Сделав последнюю затяжку, Викентий чуть ниже опустил стекло, и ветер вмиг подхватил угасающий огонёк сигареты.

Он возвращался от Тимофея Романова. Вернее, от того дома, где жил Тимофей. Самого парня вот уже второй раз он не заставал.

Впервые Кандауров поехал к Романову вскоре после разговора с Олегом Беловым. Нужно было переговорить с ним, как и с другими студийцами. Но был и особый интерес: молодой аспирант словно на что-то намекнул... Или показалось? Всегда провожал, а именно в тот день без объяснений ушёл раньше... Любимчик...

Имелся лишь адрес Романова, без телефона и места работы, и чтобы не морочить голову, Кандауров сам и съездил в тот отдалённый микрорайон. Был вечер, дверь ему открыла старая седая женщина с пытливым строгим взглядом. «Бывшая учительница» – подумал Викентий и не ошибся. На вопрос о Тимофее она спокойно кивнула: «Входите», – и пошла вперёд. Квартира была двухкомнатной, всюду чувствовались женские руки: чистота, уютные занавески, оригинальные самодельные макраме... А вот мужского присутствия не ощущалось. Обычно такие квартиры в новостройках хозяева сначала ремонтируют заново, а потом въезжают. Это жильё, как видно, заселили сразу: обоим местами пузырятся на стенах, плинтуса не подогнаны, в оконных рамах щели.

Майор не ошибся – здесь и в самом деле жили две женщины: пенсионерка-мать и дочь, по виду ровесница ему. Правда, когда он узнал, что Ольга Степановна мать 22-летнего Тимофея, он прикинул, – нет, она постарше. Однако ни за что не подумаешь: худенькая, сероглазая, с мальчишеской стрижкой, милая и миловидная. Она тоже была дома. Сам того не заметив, он

просидел в этом доме два часа, пил чай, слушал рассказ Ольги о сыне. Почему так сразу они почувствовали друг к другу доверие? Откуда эти откровенность и понимание? Дело, конечно, в Ларисе Климовой. Его собеседница знала Климову живой, любила её. Он, Викентий, узнал и полюбил уже некий образ. И любовь эта протянула между ним и Ольгой Романовой прочную нить.

С отцом Тимоши Ольга познакомилась на вступительных экзаменах в консерваторию. Оба они успешно прошли: она в класс фортепиано, он – на вокал. Чудесный баритон, смуглый весёлый красавец, гордящийся тем, что его бабка – цыганка! Перед этой бабкой она вскоре предстала его невестой. Худая старуха, цепким взглядом оглядев девятнадцатилетнюю девочку, сказала хмуро: «Васька не твоя судьба, девонька. Беги от него». Василий артистично захохотал: «Растеряла ты свой пророческий дар, бабуля! Бежать-то ей некуда!»

И верно, она была уже беременна. Поначалу, когда родился Тимоша, всё шло неплохо. Правда, пришлось оставить консерваторию: сначала думала, что временно, а потом так и не вернулась. Не прижилась в доме мужа, ушли жить к её маме, в одиночку. А в скором времени стал Василий часто не ночевать дома, с ужасом узнала она, что и с одной, и с другой её подругой он был в близких отношениях. Он и не пытался оправдаться, наоборот, так вдохновенно доказывал, что ему, человеку богемы, просто необходим постоянный эмоциональный заряд. Ольга почти поверила, что так и надо, что это естественно и... Но тут заболел маленький сын, она с ним легла в больницу, а когда вернулась, узнала: в одну из ночей её муж пытался соблазнить её мать – ещё молодую, красивую женщину. Они расстались без сожаления, а вскоре Василий уехал учиться в столичную консерваторию.

Конечно, сын никаких подобных гнусностей об отце не знает, любит его, переписывается, каждая встреча для них – радость. Ведь Василий так больше и не женился, детей, – по крайней мере, законных, – у него нет. Он переменял уже не один театр, не один город, но всюду ещё и до сих пор на первых ролях – талант есть талант. И Тимофей унаследовал от него броскую смуглость, хотя и сколько там той цыганской крови – капля! – а вот берёт своё. И талант – отцовский ли, её ли загубленный, – тоже проявился в нём.

Сначала Тимоша писал стихи. Четырнадцать лет ему было, когда пришёл в литературную студию. Народ там собирался хотя и молодой, но уже взрослый. Однако её мальчик, серьёзный и не по возрасту вдумчивый, прижился, к нему тоже относились тепло. А в Ларочку Тополёву он просто был влюблён.

– Знаете, – сказала Ольга, – как влюбляются старшеклассники в молоденьких учительниц? Светлая отроческая влюбленность. Она и была для него как учительница: к тому времени у Ларисы уже книга вышла, и над его стихами больше всех других студийцев она просиживала. А вскоре Лариса вышла замуж и стала ходить на занятия с Всеволодом. Он-то сам ничего не писал, но знаете – молодой муж... Тимоша тут же и его полюбил. А когда родился их Федюша, мой сын бегал сначала под окна роддома, а потом к ним домой, возился с малышом. С такой радостью мне рассказывал, как катает по двору коляску...

Как понял Кандауров, у Ольги Степановны с сыном отношения были очень доверительные и откровенные. Она тоже это подтвердила.

– Вы знаете, мы с сыном друг для друга лучшие друзья. Он от меня ничего не скрывает. И лучший советчик для меня – он. Это моё счастье. А всё же в нашей урезанной семье – бабушка, мама и он, – что-то Тимоше не хватало. И это он получал у Климовых. Потому, чем старше становился, тем больше привязывался к ним.

Сама Ольга с Ларисой и Всеволодом общалась мало. Не была у них дома, они не были у неё. Но те несколько раз, когда она приходила с Тимошей на студию, позволили ей понять и полюбить тех, кого любил её сын. Мальчик вырос и, не переставая любить Ларису Алексеевну – так он всегда называл её, – всё больше восхищался Всеволодом Андреевичем. Тот стал для Тимофея идеалом настоящего мужчины. Выдержанный, спокойный, доброжелатель-

ный, старающийся видеть в людях хорошее, верный в своих привязанностях... Сын говорил ей: «Мы забыли определение «благородный человек» потому, что почти не встречаем таких. Мне повезло». И Ольга была рада, что сын понимает: настоящий мужчина – это не хвастливый фанфарон, ведущий счёт своим победам...

А потом Тимофей ушёл в армию. Своих родных не забывал, но и Ларисе Алексеевне писал часто – все стихи, придуманные за два года, отсылал ей. Там, в армии, случилось то, что, по мнению Ольги, не могло не случиться: парень стал сочинять музыку. Тимоша всегда был очень музыкален, но ещё в детстве категорически отказался садиться к инструменту, учить ноты. Но куда от наследственности деться – время пришло. Из армии Тимофей привёз несколько песен. Ольга, не как мать, а как профессиональный музыкант считала, что они талантливы, хотя это и первые пробы.

Как раз тогда Лариса Алексеевна стала вести студию. Конечно, многие из тех, кто ходил к старому руководителю, к ней не пришли, но появились другие, более юные студийцы, и Тимоша, конечно же, первый. К этому времени он уже понял, что нашёл своё дело в жизни. Каждую свободную минуту писал слова, мелодию, то брал гитару, то садился к роялю. Полгода хватило ему, чтобы нагнать в знаниях тех музыкантов, кто имел специальное образование. По ночам сидел.

Он поработал немного в заводском цехе, но тут приехал на гастроли небольшой цыганский театр. И Тимоша почувал зов крови – да такой, что не отговорить, не остановить! Взял гитару и пошёл к руководителю этой труппы. И надо же, был обласкан, зван с собой! Восторженный, влюбленный в своих новых товарищей, уехал с ними по городам и весям... Уехал летом, а зимой уже вернулся – худой, усталый, сильно повзрослевший.

– И знаете, – покачала головой Ольга, – сначала он рассказал Климовой обо всём, что пережил, а лишь потом мне.

– Трудно пришлось парню? – догадался Кандауров.

– Да. Поначалу он вроде любимцем стал. Выступал. Пел, правда, романсы, но обещали ему, что со временем свои песни станет исполнять. И артистка одна, цыганочка молодая, влюбилась в него. Тимоша мой был счастлив: она, по его словам – красавица, умница, талант... Свадьбу сыграли всем театром. Правда, регистрироваться она с ним не пошла, отговорила: мол, не для цыган это, у нас и так любовь навеки. Но очень скоро ушла в другую труппу, к другому мужчине, сказав Тимоше: «Цыганская любовь свободна, летит, куда хочет...»

– Кармен! – усмехнулся Викентий. Ольга тоже улыбнулась:

– Слава Богу, Тимоша по стопам Хосе не пошёл. Но в театре начались у него ссоры, разборки, нелады. Он ведь с ними лишь внешне похож: ни импульсивности, ни аффектации, ни резкой смены настроения и отношения к людям...

Вообщем, вернулся молодой Романов к маме и бабушке, и с ещё большим рвением сидел по ночам на кухне, сочиняя стихи, музыку. Стал собирать толковых ребят-музыкантов. Организатор он оказался хороший, и чутьё на талантливых людей имел. Скоро собралась группа: саксофон, виолончель, альт, ударные инструменты, синтезатор и сам Тимофей – с гитарой, своими песнями и собственной их аранжировкой. Было много у них энтузиазма, планов, сделали программу, стали пытаться выступать...

Викентий Владимирович представил: маленькие случайные зальчики, ни аппаратуры хорошей, ни освещения, самодельные афиши, случайные же и малочисленные зрители... Кто не знает, что нынче без вложения больших капиталов невозможна популярность на эстраде! А кто будет тратиться на неизвестных музыкантов? А где же ребятам самим найти бескорыстных меценатов? Помыкались они, подрастеряли задор, да и разошлись потихоньку.

Пережив любовную драму, Тимофей словно бы закрыл сердце на замок. По мнению матери, сын аскетом не стал, однако о девушках разговор дома вообще не заходил. Поэтому Ольга была уверена: ничего серьёзного в личной жизни сына не происходит. И не ошибалась:

в конце лета именно ей первой Тимофей сказал, что полюбил, что «она» – необыкновенная, и что он сделает всё, чтобы быть с нею вместе.

Две недели парня лихорадило так, что он и музыку, и стихи забросил. Уж так скучал в летние каникулы без своей студии, а тут на первое занятие, в начале сентября, даже не пошёл. Лариса Алексеевна позвонила в детский сад, где Ольга работала музыкантом, спросила: «Что с Тимошей случилось? Я беспокоюсь. У меня вот уже сколько дней не показывается, и на студию не пришёл – небывалое дело! Что с ним?»

– Я сказала, что Тимоша влюбился. Тогда Лариса Алексеевна засмеялась и говорит: «Ну и чудесно! Значит, скоро придёт и не один». Но она ошиблась. Ни к ней, ни сюда домой девушку эту он так и не привёл. А в ту субботу, о которой вы спрашиваете, он днём забежал домой и сказал мне: «Мама, некоторое время меня не будет в городе. Не волнуйся, не расспрашивай, потом всё расскажу». Такой у него взгляд был тяжёлый и невеселый, что я всё же испугалась. Он понял это и словно рассердился, даже голос повысил: «Я не маленький! Мне нужно быть рядом с ней, помочь! Не могу ничего сейчас объяснить!» Ушёл – и до сей поры...

Всё это майор узнал в свою первую поездку к Романовым. Ольга Степановна пообещала, что сама позвонит ему, как только сын объявится. Она была уверенно: Тимофей ничего не знает о смерти Ларисы Алексеевны, иначе примчался бы, где бы ни был. У Викентия не было повода не доверять ей, и всё же, через некоторое время, он решил вновь съездить в отдалённый микрорайон. При этом он честно признался себе, что сильным было и просто желание вновь увидеть Ольгу, услышать её голос, попросить сыграть на рояле – прошлый раз она охотно сделала это.

Он поехал под вечер, чтоб застать наверняка, и застал. Но теперь встреча была недолгой. Уже с порога Ольга обрадовано бросилась к нему: Тимофей вернулся домой буквально час назад. Узнав о трагедии, он сказал, что сейчас же поедет к Климовым – Всеволоду Андреевичу и Феде, побудет с ними, переночует там.

– Вы не сомневайтесь, – уверила Кандаурова Ольга Степановна. – Утром он отведёт Федюшу в школу, пойдёт на кладбище. А оттуда – прямо к вам в управление, координаты ваши я ему дала.

У Викентия запульсировала жилка на виске. Он всегда чувствовал её, когда начинал волноваться. Поблагодарив Ольгу и быстро распрощавшись с ней, он сбежал вниз, поймал такси, и теперь мчал по пустынным вечерним проспектам, курил, думал. Первый порыв, желание тут же нагрянуть к Климовым, прошёл. Он представил спящего уже малыша, двух молчаливых мужчин, сидящих с сигаретами на кухне, и понял, что сейчас совсем не время ему появляться. Потерпит его разговор с Тимофеем до завтра. Поэтому молча проехал он поворот на длинную узкую улицу недалеко от дома Климовых и покатил дальше, к своей пустой квартире. И сильно жалел в тот момент о том, что поторопился уйти от милого голоса Ольги Романовой, от её душистого травяного чая, от лёгкого бега по клавишам её пальцев.

Глава 6

Уже лет в двадцать пять Лариса не умела плакать. Что бы ни случилось – лишь губы каменели и загорались сухим блеском глаза. Потому особенно приятно было, так сладостно-печально вспоминать себя семнадцатилетней, рыдающей на юношески крепком плече Альберта. Первая в жизни разлука... Алик уезжал в далёкий город – проходить комиссию и держать экзамены в училище гражданских лётчиков.

Это был удар для его родителей! Да, они знали, что сын с детства мечтал водить самолёты, но ведь это не могло быть серьёзно! Он же талантливый музыкант, его ждала консерватория! Но мальчик оказался с твёрдым мужским характером, что, в конце концов, и примирило отца с решением сына. Альберт уехал, отлично прошёл все испытания, вернулся ненадолго в уже красивой тёмно-синей форме.

Лариса тоже поступила не так, как ожидали от неё взрослые – родители, учителя. Заявила, что в этот год куда-то сдавать экзамены не станет, пойдёт поработает. А там видно будет. Она стойко выдержала материнские причитания: «Доченька, ведь ты такая умная, талантливая, школу окончила почти на одни пятёрки! У других дети все поступают!» Отец был более спокойным, только поглядел пристально, сказал: «Надеюсь, ты знаешь, что делаешь».

Она знала. Тайно от всех отправила подборку своих стихов в Москву, на творческий конкурс в литературный институт. Представляла, как придёт ей оттуда восторженное письмо: «Вы талантливая поэтесса и, бесспорно, должны учиться у нас...» Но допускала Лариса и другое – вежливый отказ. Потому и решила никому пока об этом не говорить: ни родителям, ни друзьям по студии и руководителю, ни Альберту. И попросила отца подыскать ей работу на заводе.

Август тем летом был чудесен. За две недели, прожитые у реки, ни одного пасмурного дня не накатило. Повезло ребятам! Было их человек двадцать – почти весь класс. Впрочем, теперь уже бывший класс. Поскольку и выпускные экзамены, и выпускной вечер остались позади. Откачали качели в городском саду своих первых утренних посетителей – мальчиков при парадных костюмах с торчащими из карманов модными галстуками, и девочек в светлых воздушных платьях. Пошла на убыль амплитуда их размаха. Но была она ещё широка, и расставаться друг с другом так не хотелось! Многие ребята уже определились: кто в институт поступил, кто на работу с сентября устраивался. Вот и рванули все вместе, напоследок, на берег Донца. Лариса с Аликом поехали тоже.

Место выбрали отличное: песчаный склон поднимался вверх к лесу, здесь поставили кругом пять палаток, в тени сосны вырыли яму – холодильник для продуктов. И речка рядом, только и делов, что съехать вниз по песку. Утром дежурные готовили завтрак, некоторые любители шли в лес за грибами. А другие отсыпались и отогрелись после ночного холода. Кто, конечно, как, но Лариса ночами страшно замерзала. Часа в четыре утра просыпалась, стуча зубами, кутаясь в одеяло, выползала из палатки и усаживалась у костра, горевшего всю ночь в середине поляны. Она была не одна такая, но среди тех, кто грелся с ней, никогда не оказывалось Алика. Он высыпался прекрасно. А она каждое утро говорила себе: «Чёрт меня побери, если я когда-нибудь ещё соглашусь жить в лесу, в палатке!..» Но потом, когда часам к десяти становилось жарко и ребята, стягивая с себя всё до купальников и плавок, лезли в воду, Лариса совершенно забывала все свои проклятия. Тем более что рядом всегда был Алик. И когда плескались в реке, и когда вечерами пели у костра под аккомпанемент трёх гитар, и когда ходили в офицерский палаточный городок смотреть кино.

Одеты они были в одинаковые шорты под широкими офицерскими ремнями, пёстрые косыночки на шеях и полосатые тельняшки. Ребята так привыкли видеть их постоянно вдвоём, что уже не обращали внимание. Да чего там – они ведь жених и невеста, все это знали!

Вдвоём уходили в лес и шли по какой-нибудь узенькой тропе, которая, впрочем, всегда выводила к одной и той же трассе. Или садились на берегу, густо закрытом кустами и деревьями – было у них такое укромное местечко. Садись, свесив босые ноги с обрыва к воде, болтали Бог знает о чём: от прогноза погоды на завтра до возможности нуль-транспортировки в недалёком будущем. Конечно, говорили и о себе, но это была одна из тем, а не единственная. Да и решено у них было как будто всё. Один год они поживут в разлуке, но уже на втором курсе Лариса приедет к нему и станет его женой. К этому времени Алик найдёт и снимет квартиру, родители ему, конечно, помогут: они о его планах знают и воспринимают Ларису, как невесту сына.

Ларису немного смущало, что Альберта совсем не интересуют её собственные планы. Втайне она ждала ответа из Литературного института. И если... как тогда быть? Ведь она не сможет отказаться от учёбы в Литинституте! Но и расстаться с Аликом... возможно ли? И сидя там, на обрыве, глядя его руку, лежащую у неё на плече, девушка сказала:

– Но я ведь тоже хочу учиться...

– Конечно! – воскликнул Алик. – Город, где мы будем жить, большой. Там есть институты. А впрочем... – Его рука соскользнула с плеча, легла ей на грудь, и он договорил уже полусшёпотом, – вряд ли жене лётчика международного класса понадобится работать...

Его пальцы сквозь легкую ткань тельняшки нежно гладили её сосок, мгновенно затвердевший от прихлынувшего уже знакомого чувства. Потому что все их уединённые разговоры здесь, в лесу у реки, заканчивались одинаково. Вторая рука юноши легла ей на затылок, губы нашли её губы, и он застонал, и руку на её груди свело словно судорогой. Долгие, томительные поцелуи, которые, казалось, невозможно прервать, его губы на шее, на груди сквозь ткань... До сих пор на этом они останавливались, словно боялись сделать последний шаг. Но в этот раз Альберт вдруг стал лихорадочно поднимать её тельняшку от пояса вверх, и она не успела ничего ни сделать, ни сказать, как он уже держал в ладонях её груди. Они сидели, опираясь спинами о поваленное дерево, и ещё через мгновение, наклонившись, Алик впервые коснулся губами её обнажённого соска. Но теперь Лариса почему-то не испытала привычного головокружения. Появилась странная отрешённость, словно всё происходило не с ней. Потому, наверное, и увидела она, как толчками вырос бугорок на алькиных шортах. И такая вдруг у неё возникла нежность и жалость, так захотелось то ли помочь, то ли удержать его, что её рука сама опустилась и легла ласково на этот пульсирующий живой комочек. И в ту же минуту он вздрогнул так сильно, что Лариса испугалась и сразу же вскрикнула: ей показалось, что Алик сжал сосок не губами, а зубами – так стало больно. Его тело ещё дважды содрогнулось, ослабили руки, губы, и он ткнулся обессилено лбом в её плечо.

Лариса вскочила, заправила тельняшку, подтянула ремень, пригладила волосы. И только тогда обернулась к нему. Он уже сидел, не сводя с неё огромных смущённых и влюблённых глаз.

– Ларочка... – начал он, но девушка оборвала.

– Пойдём, Алька, пойдём скорее, уже звонят к обеду. Слышишь?

И вправду, со стороны их палаточной поляны гудел железный, подвешенный к дереву рельс. Тряхнув головой, Лариса умчалась вперёд.

Но на поляне никого не было. Только Славка-рыжий сидел на песке и разглядывал какую-то железку. Рельс слегка покачивался, и Лариса спросила:

– Кто звонил?

Славка поднял на неё взгляд – странный, всевидящий, пожал плечами:

– Я случайно задел... Смотри-ка, что я выкопал в песке!

В его руке была ржавая скоба с клоками прогнившего дерева. Лариса шлёпнулась на живот рядом с ним, и они стали разгребать песок, зарывая в него руки по локоть. Отрыли угол балки, бревно, потом ещё одно. Мешали корни сосны, росшей выше, и ребята обрывали их.

Какое-то жгучее чувство тревоги и тайны сдавливало им сердца, делало движения лихорадочными. Поляна была пуста. В такую жару ребята обычно не вылезали из воды или разбрелись в поисках тени. Алик тоже не показывался, хотя Лариса поглядывала в сторону их тропинки.

Славка отрыл кучу патронов.

– Копай, – сказал он ей, – я сейчас.

Гвоздём он стал выковыривать порох и сыпать его на клочок газеты. Этот парень здесь, в лесу, оказался совсем не тем школьным Славкой – в мешковатом костюме, мрачноватым и неразговорчивым. Ловкий, загорелый парень. Они ведь дружили, были одной компанией, но только здесь Лариса, как и все другие, узнала, что он лучше всех плавает и занимается самбо. И что когда ты дежуришь и костёр не разгорается, а мальчишки проходят мимо, подсмеиваясь и поддразнивая, Славик остановится, присядет рядом, и через минуту всё будет в порядке. И что он, послушав, как кого-то из парней долго уговаривают сходить за хлебом, вдруг молча вылезет из палатки, натянет кеды, заберёт из рук кошёлку и так же молча пойдёт. Здесь кто-то из девочек первой назвал его Славунтиком, и теперь уже все говорили только так...

С восторгом глядя на порох, он вдруг подпрыгнул. И рванулся к палаткам. Через секунду уже мчался обратно, гремя коробком со спичками. Но Лариса оказалась проворнее. Бегом домчалась до воды, и порох чёрной струйкой посыпался в реку. Славка уставился на неё удивлённо, раза два моргнул, а потом успокоился. Снова сел рядом и стал копать.

Они отрыли бы этот окоп или землянку, но учительница увидела и испугалась. Наверное, она была права: кто знает, что могло оказаться там! Раскопки прошлого чреваты неожиданными. Разные ведь бывают открытия. Одни подтвердят наши светлые истины, другие затуманят их чёрной пеленой – хорошо, если не перевернут с ног на голову. Впрочем, иногда и печальные открытия проясняют взоры и мысли. Но можно ведь раскопать и ржавую бомбу-дуру, часовой механизм которой заведётся от толчка и пойдёт отсчитывать минуты...

Так и не отрытый окоп Лариса и Славка вновь засыпали – вовремя, потому что к поляне, перед обедом, стали возвращаться ребята. Появился и Алик. Волосы его были мокрыми, и Лариса догадалась: он окунулся в реку, охладился. Теперь он не отходил от неё, ловил руку, заглядывал в глаза, всё хотел сказать что-то. Но они постоянно были среди ребят, а от его попытки увести её снова в лес, Лариса мягко уклонилась.

На ночь Татьяна и Славка были назначены костровыми. Для ночного костра подходили толстые и сухие поленья, а лагерь их стоял в молодом лесу. Зато на том берегу шли лесозаготовки, и ребята обычно ездили туда на лодке, таскали дрова из уже сложенных штабелей. Вскоре после обеда лодка отчалила: Таня сидела на носу, Славка грёб – ровно, красиво, сильно... В десять часов, когда совсем стемнело, их ещё не было. Не вернулись они ни в одиннадцать, ни в двенадцать. Все до единого ребята собрались на берегу, кричали, свистели, стараясь разглядеть на тёмной воде хоть какое-то движение. На учительницу было страшно смотреть: её колотила дрожь, рука непроизвольно лежала на сердце.

– Может, они заблудились в лесу? – шептал кто-то. – А, может, лодка перевернулась?

– Они оба отлично плавают! – зло отрезала Лариса, не оборачиваясь. Ей тоже было страшно, но паникёры раздражали. Она вспомнила Славку в футболке и плавках, Таню в сарафанчике, сказала тихо:

– Замёрзнут вот только...

Решили разложить костёр: может быть, в темноте ребята не понимают куда плыть! И хотя берег был усеян кострами рыбаков, они разожгли и свой у самой речной кромки. Не знали, что завтра вода у берега станет чёрной от пепла, и два дня невозможно будет купаться.

Притихшие и хмурые, девочки и мальчики сидели у костра. Прошёл ещё час, постепенно стали расходиться, расползаться по палаткам. Только теперь Лариса и Алик остались одни, сидели у догоравшего костра, прижимаясь друг к другу, спасаясь от тревоги и холода. И он сказал, почти прошептал: «Ларочка, ты теперь моя жена...» И заскользил губами по её щеке.

Такими ненужными и неуместными сейчас показались ей эти слова, что девушка отпрянула, в её глазах вспыхнуло пламя – отблеск костра.

– Подожди! – Она подняла руку: удерживая ли его, призывая ли к молчанию. – Кажется, голоса...

Но это от палаток шли учительница и два парня.

– Алик, – сказала учительница, – пойдём с нами в деревню за лодкой. Поедем искать их.

Надо же что-то делать.

Мальчик поднялся, тихо сказал:

– Иди в палатку, поспи.

Лариса мотнула головой:

– Я ещё немного посижу.

Она осталась одна у почти догоревшего костра, и только изредка подбрасывала в него сучья. Сзади не слышно было ни шороха, ни движения, но всё равно, что-то заставило её резко оглянуться. Рядом сидел Славик. Слабый отблеск огня метался тенями, делал его лицо суровым, а глаза застывшими.

– Ты что? – спросила Лариса тихо.

– Сажу.

– Давно?

– Минут пять.

– А где Таня?

– Там... – ответил он, и голос его показался ей зловещим. Внезапно нереальность происходящего испугала её, и она вскрикнула, вскакивая:

– Где там?

– Да не кричи. Жива она. Собери лучше её тёплые манатки, запихни в рюкзак, и я пойду назад.

Все остальные дни только и разговоров было о том, как в темноте они заблудились среди островков, как выбросили в воду все дрова, как Таня, которая брезгливо отворачивалась при виде скользких зелёных водорослей, отгребала их от лодки руками. И как Славка, устроив её около какого-то костра с рыбаками, часа два шёл один по тёмному лесу, почти наугад.

Тогда, когда он снова ушёл, Лариса наконец отправилась спать. Проспала и утренний холод, и их возвращение. А разбудил её Татьянин звонкий голос. Солнце уже стояло высоко, сквозь иголки сосен веером расходились тонкие светлые лучи, и трава казалась совершенно изумрудной. Татьяна сидела у костра, вытянув ноги, и расчёсывала свою спутанную шевелюру.

– Мы ехали, ехали, а потом темно стало!.. – возбуждённо рассказывала она.

... Всё ещё раскачивались качели. Но только мальчик и девочка, стоящие друг против друга, уже не приседали ритмично. Уже тормозная доска чиркала по дну яркой «лодки», и с каждым новым взмахом уменьшалась амплитуда взлёта... Они были ещё детьми, но в то лето их детство уже катилось под уклон.

Глава 7

Пришла Ларисе из Москвы плотная бандероль – в красивом конверте со штампом Литературного института. Это вернулись обратно её рукописные листики со стихами. И приложенная к ним рецензия – две отпечатанных страницы. Ещё не начав читать, девочка поняла – это отказ. Стала читать спокойно, а, прочитав, расплакалась. И не оттого, что не признали, не увидели в ней особого таланта – оттого, что незаслуженно обидны были отпечатанные слова: холодные, злые, хлёсткие. Оттирая ладонями бегущие по щекам слёзы, она повторяла: «Нельзя так, нельзя же так!» Нельзя было юному поэту, доверившему взрослым и умным людям свои первые строки, писать: «графоман», «позёрство», «дешёвая романтика», «в то время как вся страна на трудовой вахте социализма», «автору следует отказаться от рифмования и заняться чем-нибудь более приземлённым»...

Хорошо, что дома не было родителей. Умывшись холодной водой, Лариса заставила себя, непокорно сжав губы, ещё раз медленно прочитать то, что она поначалу назвала рецензией, а теперь презрительно – отпиской. Подпись гласила: «Л. Берова, литконсультант», и это немного успокоило её. «Поэт бы так не написал, – подумала. – А литконсультант... может, она сама несостоявшаяся поэтесса, вот и изливает злость на других». Она вспомнила, как Славка сказал когда-то учительнице Валентине Ивановне: «Завидно, что так, как у Тополёвой, у вас никогда не получится!» Лариса наконец улыбнулась, хотела порвать листочки, но передумала, вложила в красивый конверт и спрятала: «Сохраню на память». И ещё радовало, что скоро, в сентябре, после летнего перерыва начнёт работать литературная студия. Она уже соскучилась, хотела увидеть ребят, показать им свои новые стихи.

В начале осени Лариса пошла работать на завод. А куда же ещё? Мама у неё была чертёжницей в заводском конструкторском бюро, отец – инженером в отделе технического контроля. Вот он и устроил дочку контролёром в инструментальный цех. С математикой и черчением у девочки всегда было отлично, потому через месяц она сдала экзамен сразу на третий разряд, а мастер поставил её на участок сложных штампов, где изготавливались очень точные детали и узлы. Ларисе почти сразу понравился и цех – шумный, молодёжный, и работа, дающая ей почувствовать свою значимость: попробуй-ка кто-то из рабочих не добрать несколько микронов или не добиться нужной точности обработки – она ведь может и не принять деталь!

Здесь же, на заводе, работала и лучшая подруга Танюша Суркова. Правда, не в цехе, а в редакции заводской многотиражной газеты. Лариса часто заходила к ней в редакцию – в обеденный перерыв или после работы: у неё смена кончалась на два часа раньше. И там её стали встречать, как свою: она ведь тоже была пишущим человеком. А ей очень нравились и атмосфера редакции, и все Татьянины сослуживцы. Сама же Таня в свою родную редакцию была просто влюблена.

Да, именно «родную», ведь ещё учась в десятом классе, писала сюда материалы – стажировалась. Поступать Татьяна решила в университет города Ростова-на-Дону, там был отличный факультет журналистики. С редактором многотиражки была договорённость: девушка поступает на заочное отделение, и он сразу берёт её в штат. Так что пришла Татьяна в редакцию, как в давно знакомый коллектив.

Зима пролетела незаметно. Альберт писал часто, и каждое его письмо – нежное и томительное, она помногу дней носила с собой. И фотография его – красивый юноша в курсантской форме, – стояла у неё за стеклом книжной полки. Несколько раз, по просьбе Алика, она заходила к его родителям. Там встречали её ласково, кормили чем-нибудь вкусеньким, хотя она пыталась смущённо отказаться. Дважды дома оказывался и Лёнчик, и тогда она задерживалась

дольше – этот весёлый парень, так одновременно похожий и не похожий на Алика, заставлял её чувствовать себя просто, свободно, отбрасывать скованность.

А однажды Лариса слышала, как разговаривали её папа и мама – о ней и Альберте, конечно.

– Рано Ларочке ещё замуж выходить, – говорил отец. – Восемнадцать только будет. Ей бы учиться!

Но у мамы голос был мечтательным, глубоким:

– Успеет и выучиться, если желание будет. А тут ведь – судьба! В какую семью попадёт! Всё ей будет доступно!

– Да, – протянул отец, – ходят слухи, что директор завода на пенсию собирается... или его собирают! А Грёмин пойдёт на его место.

Мать даже руками всплеснула:

– Боже мой, не верится, что наша девочка станет его невесткой! Ведь он для сына и его жены всё сделает. Никаких проблем у Ларочки в жизни не будет. Не то, что мы – всё с таким трудом: от первой табуретки до этой квартиры...

Они и в самом деле лишь два года, как переселились в маленькую, но всё же изолированную двухкомнатную квартиру, а то всё по коммуналкам скитались. Лариса, открывшая дверь своим ключом и тихо раздевавшаяся в коридоре, притихла, слушая родителей, и, вообще-то, понимала их.

– Парень тоже не промах, – сказал отец с уважением. – Музыка ведь не шибко кормит, это только если в выдающиеся музыканты пробьешься. А тут, глядишь, скоро по заграницам самолёты водить станет – это другое дело.

– Вот видишь! – воскликнула мама. – Нет, это судьба, везение, счастье. Разве можно упустить! И ведь как он любит Ларочку – всё пишет и пишет, и всё о свадьбе!

– Но мне кажется, что она не очень-то его любит. Увлелась, а теперь поостыла малость.

Это был голос отца, и Лариса очень на него обиделась. Нет, что он понимает! Как это не очень любит! Алик такой... хороший...

– Нет, нет, – словно поддержала её мама, – она любит его! Да, и если на то пошло, главное – чтобы он любил!

... В июне Альберт написал, что сдаёт экзамены и скоро приедет на каникулы. «И сразу же – свадьба! Не могу больше ждать, сил нет! Родителям я тоже написал, чтоб готовилась».

Вечер, когда Лариса встретила Лёнчика, был по-летнему тёплый, беззаботный. Вдвоём с Татьяной они посмотрели весёлую кинокомедию, и вышли на проспект. Сумерки едва только наметились, но уже светили фонари, шумные группы молодежи прогуливались, громко смеялись, заполняли скамейки на боковых аллеях, брызгались у фонтана... Всё было так привычно, на каждом шагу встречались знакомые. И старший брат Алика стоял у входа на танцплощадку, оживлённо жестикулируя перед тремя парнями и девушкой. Франтоватые усики, расклеванные модные брюки, голубая банлоновая рубашечка... Увидев Ларису и Таню, вскинул брови, махнул приятелям рукой и подхватил подружек под руки, встав между ними.

– Завернём на танцуюльки?

– Нет, – сказала Татьяна, – мы туда не ходим. Смотрим иногда ради интереса через ограду – как в зоопарке.

– Зверинец там знатный, это точно, – засмеялся Лёнчик. – А всё же, сударыня, жаль, танцуете вы божественно!

– Божественно – это значит вальс или танго. А то, что танцуют там, это всего лишь клёво.

– Ларочка, – Лёнчик коснулся губами её щеки, – точность словесных определений – это по твоей части. Не хотите танцевать – просто погуляем.

Они пошли по проспекту. Татьяна, в белой кокетливой кепочке, в босоножках, опутывающих ремешками ноги до колен – ростовских обновках, – забавно и увлекательно рассказывала о весёлом городе Ростове-на-Дону. Съездила зимой на сессию, а недавно вернулась после летней – целый месяц была там.

...Сумерки стустились: воздух посвежел, и девочки поёживались в своих лёгких платьях. Сначала проводили Таню, а потом Лариса и Лёнчик медленно пошли к её дому – по проспекту, боковой улице, через небольшой сквер, выходящий к пустырю, а там уже и квартал новых домов светился огнями: здесь и жили теперь Тополёвы в новой квартире. Сама Лариса через тёмный и пустынный сквер не пошла бы – имелась людная круговая дорога. Но с этим взрослым парнем – другое дело! Он такой уверенный, спокойный и сильный, недаром оба брата занимались борьбой самбо. Как приятно чувствовать ей, что он так внимателен, что привязанность к брату перенёс и на неё. Значит, признаёт её право на Альберта.

Они уже выходили на край сквера – сквозь ветви мелькали огни первых домов, – когда Лёнчик положил её руку на плечо и слегка придержал.

– Постоим немного.

«Что-то хочет сказать», – сразу решила Лариса и охотно остановилась. Его рука с плеча скользнула ей на талию. У девушки гулко забилося сердце, она отпрянула. Но парень уже успел второй рукой обхватить её плечи и, пока ещё не сильно, но решительно притянул к себе.

– Альке можно, а мне нельзя?.. – пробормотал он, наклоняясь близко, а рука уже сжимала больно её грудь.

– Лёня!

Голос Ларисы дрожал от испуга, но она всё ещё верила, что это шутка – гадкая, глупая, но шутка. – У нас с Аликом ничего не было!

– Так я и поверил! – он прищурил свои близкие, блестящие глаза. – А если и правда, то тем более у меня есть право старшего брата. Как раньше было право первой брачной ночи у сеньора. Читала?

– Но я не согласна! – Лариса рванулась из его объятий.

– А вассалов никто и не спрашивает!

Леонард резко рванул с плеча платье. Ткань затрещала. Как Лариса оказалась на коленях, она и не поняла, так мгновенно и умело подсёк он её ноги. И тут же тяжёлым напористым телом распластал её на спине, на ещё не остывшей от дневного тепла земле и молодой травке. Она не кричала: стыдно было того, что он почти ей родственник, что может быть, всё-таки, это шутка.

– Лёна! Лёня! – шептала она, пока его губы шарил по её открывшемуся телу ниже плеча, а руки копошились внизу, и ноги вжимались между её ног. – Не надо, прошу тебя, хватит! – И вдруг, пронзённая уже настоящим страхом, тонко вскрикнула. – Я Альберту расскажу! Родителям твоим!

Он коротко, с придыханием засмеялся:

– Расскажешь, расскажешь... Может, тогда оставишь его в покое!

И вдруг, преодолев сопротивление её извивающегося тела, схватил губами и зубами её сосок. И в ту же секунду она почувствовала, как что-то холодное, упругое и живое ткнулось ей между ног. Ткнулось не сильно, сверху, но такой неведомый ужас вошёл ей в душу, что крик – хриплый, звериный, – сам вырвался из горла. Но рука парня больно стиснула ей рот, и внезапно он отпустил её, сел рядом, спокойно глядя на неё, застывшую неподвижно, потом встал, заправляя рубаху и застёгивая брюки.

Лариса медленно села, обхватив колени. Страх уже не было – опустошённость и гадливость.

– Мерзавец! – сказала тихо.

– Но ведь не тронул же! – иронично изумился Лёнчик. – Поигрались немного, разве тебе неприятно было? Но основное-то дело оставил братцу! Может, потом как-нибудь, мы с ним и поделимся, как ты, не против будешь?

Глотая слёзы, девочка повернулась и пошла прочь. Он нагнал её уже на пустыре, схватил за руку, дернул, прошептал зло:

– Если станешь болтать, я всем опишу, как ты заманила меня сюда и сама под меня легла... Невеста!

Лариса рванулась, и так как он уже не держал, почти побежала, захлёбываясь рыданиями. В подъезде она стояла долго, пока не смогла справиться с рвущимися из груди всхлипами. Потом тихонько открыла дверь своим ключом. Родители смотрели телевизор.

– Это ты, доченька? – крикнула мама.

– Да, я, – сумела ответить она нормальным голосом и тут же прошла к себе в комнату.

А дней через десять пришла телеграмма от Алика: «15-го приезжаю, жди, готовься». Вероятно, узнав точную дату начала каникул – через неделю, – он не смог удержаться и в тот же день отправил ей весточку. Телеграмму принял отец, вернувшись с работы немного раньше. Когда же появилась Лариса, он и мама, загадочно улыбаясь, немного подразнили её, а потом протянули бланк.

Всё это время Лариса держалась. Но сейчас, прочитав послание, вдруг швырнула листок на пол, сжала кулаки и закричала:

– К чёрту! Не хочу! Ненавижу!

Слёзы хлынули по щекам, ноги ослабли. У неё не было сил убежать к себе в комнату – только упасть на диван, закрыв лицо и плача. Наверное, отец и мать были сильно напуганы, она не видела их лиц. До сих пор девочка старалась не дать им понять о перемене в себе. Да она и сама ещё не понимала, как будет дальше, что сделает. Предчувствовала, конечно: ведь не могла смотреть на фото Альберта, стоящее у неё на книжной полке. Только лишь пять минут пыталась убедить себя, что он ни в чём не виноват, что можно любить его по-прежнему. Но так сильно выражение глаз, разлёт бровей и изгиб губ на фотографии напоминали близко склонённое, отвратительное лицо другого, что она тут же оставила это бесполезное занятие и призналась себе: «Никогда!» Но как же не хотелось объясняться с родителями. И она даже не убрала снимок, а, словно невзначай, заставила его книгами. И вот – дотянула! Рыдая, слышала сначала тишину, потом легкий шёпот, потом мамины руки легли на плечи, горячие губы прижались к затылку, нежный испуганный голос стал растерянно успокаивать:

– Ларочка, доченька, что с тобой? Не плач, всё пройдёт...

И тут заговорил отец.

– Я же видел, что с девочкой что-то случилось, изменилась она. Тебя обидели его родные, дочка?

И когда Лариса после этих его слов зарыдала сильнее, жёстко добавил:

– Точно, так и есть!

Поднял её за плечи, прижал к себе, стал гладить по голове.

– Не плач, маленькая, не плач. Это не страшно, может даже и к лучшему. Я ведь знал, чувствовал, что не дадут они вам пожениться. Считают, что мы ниже их. Но ты так и знай, что это они нам не ровня, потому что мы никогда никого не обидели и не оскорбили...

И хотя слова отца казались ей несправедливыми по отношению к родителям Альберта, Лариса, успокаиваясь, обхватила руками отцовскую шею...

* * *

Два дня спустя в цехе стали собирать молодёжную бригаду для работы в подшефном колхозе. Мастер сказал Ларисе:

- Отправил бы я тебя за милую душу, да ты вроде замуж скоро собираешься?
- А я передумала, – пожала она плечами. – Рано мне ещё за горшки да пелёнки, погуляю ещё. В колхоз, вот, поеду.
- Ну и ладненько, – обрадовался мастер. – Собирайся тогда.

Глава 8

Эта поездка оказалась счастливой удачей. Утром у заводской проходной в автобус расаживались незнакомые ей парни и девчонки, а вечером, в колхозе, они уже были одной компанией, приятелями. Каждый день машина мчала их в поле и обратно, ветер рвал её волосы и красный свитер, брошенный на плечи, как плащ. А ребята на полном ходу швыряли огурцами в коз и кур. Вечерами до полуночи играли в бридж. Проигравший выполнял любые желания. Лариса, например, завернувшись в простыню, уже под ночными звёздами отправилась на «четырнадцатую сотню» – так называлось в народе сельское кладбище. Правда, вся братия при этом сопровождала её поодаль.

Дня через три насовсем отпустила её сердце грызущая, муторная боль и пропал навязчивый, стучащий в виски шепоток: «Не хочу жить, не хочу жить...» В тот день, когда она впервые не вспомнила змеиные глаза Лёнчика, она впервые увидела Виталия.

Он спрыгнул с подкатившей к летней кухни машины, и на его голое тело была наброшена москвичка – короткое зимнее пальто. Это в тридцатиградусную жару. И была у него рыжая, уже не щетина, но ещё не борода, а на голове – розовая косыночка, повязанная сбоку узлом, как у пиратов. Он поднял руку, приветствуя всех, и произнёс лёгким, чудесно красивым голосом: «Шершель де буа!»

«Что за чудак?» – подумала Лариса, и, как потом оказалось, попала в точку. Парень сбросил москвичку, стянул косынку, и она увидела, что он невысок, полноват, волосы у него очень густые и светлые, а хлястики босоножек оборваны и волочатся по земле.

– Виталия! – крикнул кто-то из очереди, уже выстроившейся за обедом. – Ты будешь макароны?

– О, нет, – ответил он. – Я мучного не ем, мне нужно сохранять гибкую талию.

Лариса сразу поняла, что он душа этой компании. Тогда, у летней кухни, и потом, в поле, он её не замечал. Но вечером за очередным карточным боем, сдавая карты, он кинул на неё быстрый взгляд, поднял бровь и вновь спросил, чарующе играя голосом: «Шершель де буа?» А она ответила насмешливо: «Де буа, де буа, не сомневайтесь!» Тогда он долго задержал на ней свои синие-синие глаза, и спросил уже обыкновенно:

– Вы из новой партии, девушка? А как зовут, позвольте узнать?

Он проиграл и сам выбрал себе штраф. Залез на ближайший сарай и оттуда, выбросив вперёд руку, запел арию мистера Икса: «Устал я греться у чужого огня, о, где же сердце, что полюбит меня!..» Пел так искренне и печально, что у Ларисы вдруг защемило сердце.

В тот же вечер они с Виталием перестали называть друг друга на «вы». Он пошёл проводить её. Всего навсего через поляну, где напротив домика парней – их карточного притона, – стоял домик-общежитие девчат. Но они задержались на скамейке больше чем на час, а когда девушка прощалась, Виталий притянул её к себе, поцеловал, отстранившись сказал, словно подсмеиваясь над собой: «Прости, смущаюсь!» И быстро ушёл через поляну.

На другой вечер Лариса играть в карты не пошла. Её новая подруга Светка – маленькая, белобрысая, на два года старше, – позвала пойти с ней к цыганам. В колхозе жили несколько семей оседлых цыган, и Светка, независимая и очень общительная, подружилась с девушками-цыганками, ходила к ним в гости. Лариса пошла с ней – было интересно.

Цыгане купили дом на окраине одной улицы, но он казался необжитым. Зато на пустыре сразу за домом стояло три шатра, горел костёр, и в шуме и суе метушились люди. Подошли три чернокодые стройные девушки в цветастых юбках и косынках, приветливые и улыбающиеся, повели их, гостей, к костру. Чуть в стороне лежало бревно, они сели и Светлана заговорила с цыганками о чём-то им знакомом. Лариса слушала гортанные выкрики мужчин и женщин, видела мельканье юбок и рубах, резкие движения рук и блики костра на смуглых

лицах, вдыхала запах дыма. Покой и восторг окутывали душу... Подбежал маленький курчавый цыганчонок в одних грязных трусиках, присел на бревне рядом с ней, ласково улыбаясь заглянул в лицо, протянул лапку и погладил её по волосам. Она тоже улыбнулась ему, а он вдруг пребольно дёрнул её за прядь и с весёлым воплем отскочил. Одна из их подруг-цыганок с криком бросилась за обидчиком, но не догнала, ласково, утешающе что-то проворковала, лёгкой рукой отвела со лба Ларисы чёлку, взгляделась, сказала: «Хочешь верь, хочешь нет, но будешь ты счастливая в любви, знаменитая будешь...» И замолчала. Лариса улыбнулась ей: «А как насчёт богатства и долгой жизни?» «Про то не скажу», – цыганка опустила руку и глаза, заговорила со Светкой.

Когда уже в темноте по тихим поселковым улицам возвращались к себе, Светлана заговорила словно бы через силу:

– Я вижу, Лариса, тебе Виталька понравился? Он, конечно, обаяшка и парень умнейший, я с ним в одном общежитии живу, знаю давно. В прошлом году он институт с красным дипломом окончил. А у нас в общежитии много студентов-заочников из политеха. Как задачка не получается или чего непонятно – в комнату к Витальке бегут. Растормошат его, а он, хоть и пьяный вдрызг, за две минуты всё решит и снова на кровать заваливается, отключается.

– Ты хочешь сказать – он часто пьёт?

– Да почти всегда под парами! Ларка, у тебя-то и парня небось ещё не было! – Лариса усмехнулась, но Светлана не заметила. – А он старше тебя намного, ему уже двадцать семь, взрослый мужик. И есть у него... даже не знаю, как сказать! Вообще, влюблён он.

– Влюблён? Ты её знаешь?

Светлана покачала головой:

– Знаю. Тоже в общежитии живёт. Шлюха одна лет под тридцать. Райкой зовут. Всем даёт – вообще, гуляет направо, с кем ни попадя. А на Витальку чего-то взелась, его одного только и гонит. Он уже и рыдал перед ней на коленях прилюдно, и, как напьётся, приходит и ложится под дверь её комнаты. А она там в это время забавляется с кем-нибудь...

В голосе у Светки звучала гадливость. Ларисе тоже стало неприятно. Она представила... нет! Зачем он ей нужен! Но тут они вышли к своему дому и на скамейке под фонарём увидели Виталия – светлые волосы, клетчатая рубашка, растёгнутая до пупа, радостная улыбка.

– Светлана! Так это ты умыкнула Ларисочку? Небось, к цыганам водила? А я маюсь-дожидаюсь...

Светка хмыкнула, пожала плечами и ушла в дом. Лариса осталась и не отстранилась от его объятий и губ, не смогла.

А через несколько дней приехал Альберт. Он приехал под вечер, когда ребята, вернувшись с поля, уже поужинали, но ещё не засели за карты, а кублились на поляне между двумя домиками: валялись на траве, гонялись друг за другом, перебрасывались анекдотами. Было ещё светло, и одинокую фигуру в форме, вышедшую из лесной посадки, заметили сразу.

– Смотрите, офицерик идёт! – сказал кто-то. Лариса оглянулась, и сердце у неё заколотилось так громко, что, казалось, все должны услышать. Она знала, что ни сегодня-завтра Алик появится: помнила день приезда, названный в телеграмме. И вот он идёт. Перевела дыхание, прислонилась спиной к груди Виталия, сидевшего рядом на траве, и тот, словно чего-то почуяв, ласково обнял её.

Подходя, Алик смотрел прямо на неё, и она не отводила глаз. Он стал в двух шагах, молча, глубоко дыша, и вдруг опустился на колени рядом с ней. Он словно не замечал обхватившую её руку светловолосого взрослого парня.

– Ларочка, – сказал, – что случилось? Пойдём отсюда, поедем домой!

Было очень тихо, все ребята молчали. Глаза Алика, непонимающие, печальные и любящие, смотрели на неё. Но Лариса видела только тот же змеиный цвет, тот же изгиб губ и такую же ямочку на подбородке, как у другого, рвущего на ней одежду. К горлу подступило грязное

ругательство, захотелось затопать ногами, покатиться с воплем по траве... Виталий крепче прижал её к себе. И она успокоилась, но ответить безразлично не смогла, получилось грубо:

– Напрасно ехал так далеко. Говорить нам не о чем. Уходи.

Он помолчал некоторое время, медленно поднялся, не отрывая от неё глаз.

– Проводи меня к электричке.

И тут она не выдержала, закричала, тоже вскочив:

– Проводить? Через лес!.. Да пошёл ты!.. Убирайся!

И бухнулась, истерически смеясь, прямо Витальке на колени, обхватила его за шею...

Альберт уходил, а девчонки, возбуждённо тормоша её, галдели:

– Лариса, прогнала такого красавчика! С ума сойти!..

Вскоре стемнело и ребята ушли играть в карты. А её Виталий увёл дальше, к реке. Пока шли, молчали, но когда сели на уютной полянке под деревьями, он спросил:

– Это был твой парень?

– Жених, – ответила Лариса.

Он присвистнул удивлённо, обнял её, а после паузы спросил:

– У тебя уже был мужчина?

Лариса подняла на него глаза, улыбнулась и после долгой паузы-поцелуя сказала тихо:

– Нет ещё...

– Значит, я буду у тебя первым.

Он поднял бровь, словно удивляясь этому. Он не спрашивал – утверждал, но сделал это так мягко, и движения, которыми он расстегнул пуговицы её рубашки-ковбойки были так ласковы, а руки, коснувшиеся её открытых грудей, оказались так нежны, что она ничего не возразила и не отстранилась. Он легонько положил её навзничь, тронул губами и языком соски, опустил руки на бедра, нашёл змейку её брюк и потянул вниз... Тихий, блаженный трепет прошёл по её телу. Но вдруг в висках запульсировали боль и страх, Лариса резко села, упёрлась руками в его грудь.

– Нет! – голос у неё сорвался. – Я не хочу! Прости, не хочу!

Он застонал как-то горестно, тоже сел, отвернулся от неё, обхватил руками голову. И вдруг девушка поняла, что он плачет: плечи его вздрагивали, раздавалось тихое рыдание. Она замерла, затаила дыхание... В тот злосчастный вечер, в сквере, Лёнчик был нагл и отвратителен, страх и боль испытала она. Здесь, у реки, взрослый мужчина, ласковый, нежный, плакал так беспомощно... Та женщина, из общежития, тоже гнала его... Грусть, жалость, нежность к нему перехватили Ларисе горло, она положила руки ему на плечи, прошептала хрипловато:

– Виталик, что ты, милый? Я согласна, пусть будет...

* * *

Когда через месяц они, крепко сдружившиеся «колхозники», прощались на городской платформе, Виталий сказал:

– Жди, денька через два навещу.

Два месяца Лариса ждала. Каждый вечер сидела на диване с книжкой, а обострённый слух сам ловил звуки с лестничной площадки. Вот чьи-то шаги, громче, к их двери! Она встаёт – не резко, чтоб мама не обратила внимание, – выходит в коридор, глядит в дверной глазок. Нет, это соседка пошла на этаж выше... Ни в кино, ни к подругам – ждала. Конечно, она знала и общежитие, где он живёт, и заводское конструкторское бюро, в котором работает. Найти Виталия было не трудно, но ведь он сказал – «зайду», да так и должно быть...

А потом ей стало всё равно. Она перестала ждать и затворничать. И однажды сентябрьским ещё тёплым вечером он появился. Лариса собиралась гулять, причёсывалась в коридоре, потому открыла сама, сразу. Виталий был весел и нетвёрд на ногах.

– Ларисочка! – воскликнул он. – Шершель де буа!

Она растерялась, не могла понять своих чувств – радость? раздражение? – потому спросила, что спросилось:

– Это что же всё-таки означает?

– В данном случае: «Как ты хороша!»

Он тут же обхватил её, задышав в лицо чем-то спиртным. Легонько отстранившись, девушка сказала:

– Я сейчас выйду, подожди внизу.

Он тут же сделал вид, что обижен:

– Зачем внизу? А почему не приглашаешь, не знакомишь с родителями? Может, я предложение руки и сердца сделать явился!

Лариса отступила:

– Тогда входи!

– Ну вот! – Он смутился, и чтобы скрыть это, хохотнул. – Иронизируешь! Но я и правда ещё морально не готов к такому шагу.

– Тогда жди внизу.

Лариса закрыла дверь, задумалась. Она уже собралась и даже родителям сказала, что уходит. Просто нужно было время прийти в себя. Рада? Есть какое-то возбуждение, но радость ли это? А он выпивший... Там, в колхозе, вечерами парни тоже часто выпивали, некоторые девчонки – но не она, – с ними. И тогда это казалось чем-то естественным. Сейчас надо будет идти с ним по улице... Вообще, что зря гадать – и Лариса хлопнула дверь.

Они шли по проспекту, и худшие её опасения оправдывались. Виталий громко говорил, хохотал, хватал руки, обнимал за плечи. Встречные поглядывали на них. Никогда в жизни Ларисе не было так стыдно. Она потянула его в небольшой скверик, усадила на скамью. Он продолжал резвиться:

– Ларчик, здесь нет полного уединения! Надо найти местечко поуютнее! Как раз уже темнеет. Ларчик, ты прелесть!

И, пытаясь залезть ей за вырез платья, пропел:

– А ларчик просто открывался!

Теперь ей стало ещё и противно. С трудом отводя его руки, она попыталась привести его в чувство:

– Виталий! Я сейчас уйду! А ты, если хочешь, чтобы мы встречались, следующий раз придёшь трезвый...

Но он вдруг лёг на скамью, положил ей голову на колени, продолжая бормотать про легко открывающийся ларчик.

– Виталька! Виталька!

Лариса потрясла его за плечи и вдруг изумлённо поняла, что он спит. Спит пьяным, мгновенно приходящим сном. Она встала, не заботясь об удобствах его головы, и не оглядываясь ушла.

Виталий приходил ещё дважды. Оба раза сам к квартире не поднимался, подсылал вызвать её мальчишек. Первый раз она вышла. Он сидел на лавочке у подъезда и снова был слишком весел. Твёрдо зная, что никуда с ним не пойдёт, но не желая откровенной демонстрации, Лариса присела рядом с ним.

– Бросила меня, – протянул он обиженно. – На произвол хулиганам и милиции.

– Но я вижу, ты всё же жив. И как ты себе это представлял: я тащу твою пьяную невменяемую тушу в уютный уголок?

– А что? – патетически воскликнул Виталий. – Таков удел жён!

– Я тебе не жена и ею не буду.

– Ну вот... – голос у него стал капризный, раздражённый. – А ещё говорят: женщины молятся на своих первых мужчин, всё им прощают!

Лариса встала и ушла, сказав на ходу:

– Не приходи больше, я не выйду.

И не выходила. А фраза насчёт первого мужчины её только позабавила. Ни тот первый их вечер, ни два последовавших после, не остались в её чувственной памяти. В первый раз её тело было сковано ожиданием боли, да ещё примешивались стыд и неловкость – вертелась нелепая мысль о том, что бюстгальтер у неё старенький, с оторванной пуговкой и зашпиленный булавкой... Боли она и не почувствовала, кровило, вопреки ожиданию, чуть-чуть, а копошение чужой плоти казалось таким незаметным, ненужным. Осталось в памяти лишь огромное облегчение, когда Виталий, сильно засопев, вскрикнул и невыносимо тяжело навалился своим крупным телом, а потом, коротко хохотнув, скатился и раскинулся рядом. На другой вечер, прихватив из домика одеяло, он увёл её на ту же полянку к реке, положил на спину и шепча: «Девочка моя, милая, мне так хорошо...» – сделал, что хотел, но как-то очень быстро, непонятно. Ларисе были приятны его слова, полубредовый шёпот, ласковые руки. Но... и только. Осталось недоумение – отчего это девчонки говорили: «Стоит разок попробовать, и удержи нет! Хоть какого мужика, а подавай!» Лариса никаких изменений в себе не находила. Ну да, она, конечно, стала женщиной, но оставалась всё той же девчонкой. Дай Бог, чтоб Виталий, вслед за Альбертом, ушёл из её жизни! Пусть бы все оставили её в покое, как устала она за несколько последних месяцев!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.